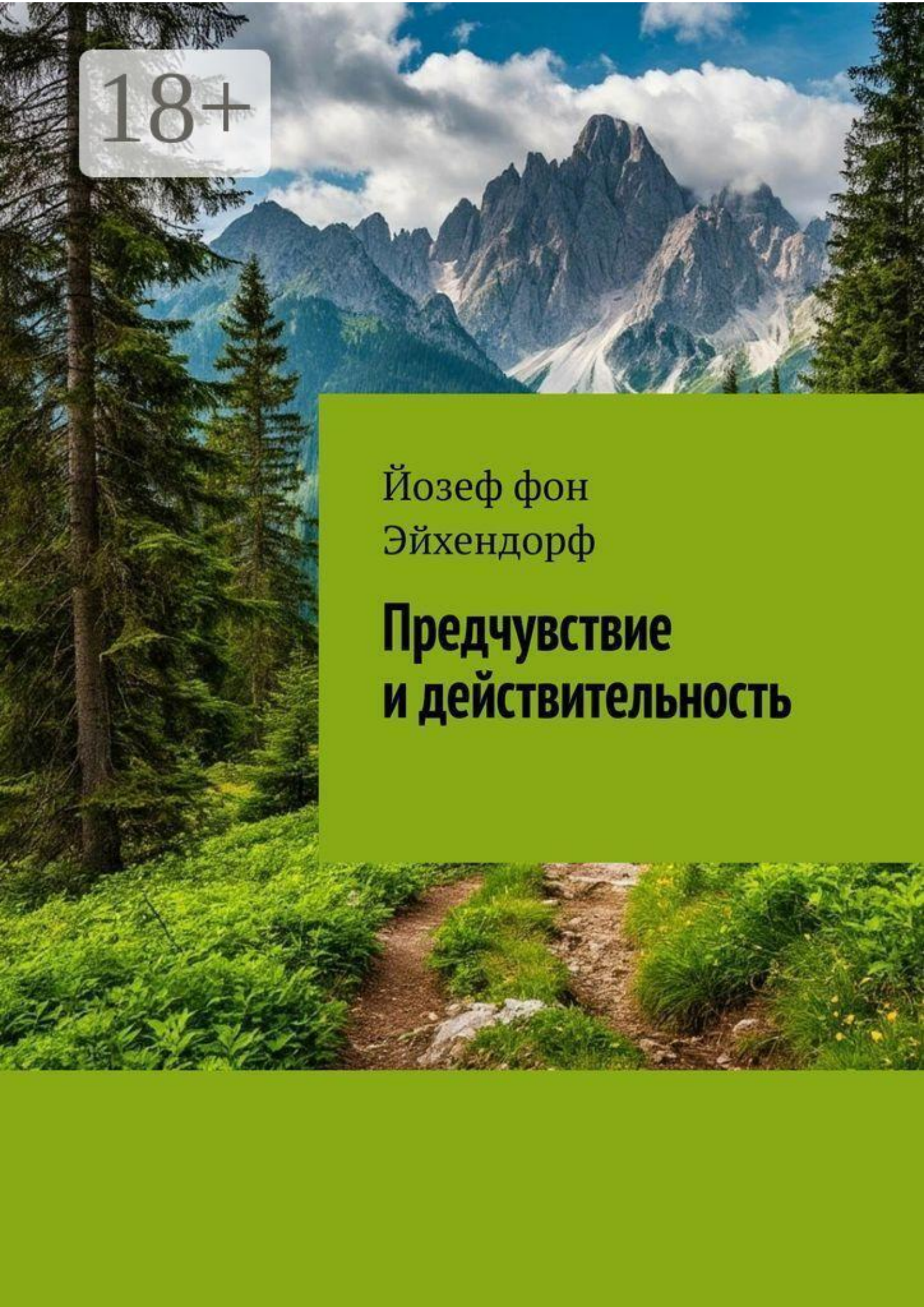

18+

Йозеф фон
Эйхендорф

Предчувствие и действительность

Йозеф фон Эйхендорф

Предчувствие и действительность

«Издательские решения»

фон Эйхендорф Й.

Предчувствие и действительность / Й. фон Эйхендорф —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671026-9

Роман немецкого писателя-романтика XIX в. Йозефа фон Эйхендорфа «Предчувствие и действительность» публикуется впервые в переводе на русский язык. Произведение является образцом романтической прозы. В центре повествования образ молодого графа Фридриха, на долю которого выпадают роковая любовь и многочисленные испытания, которые он преодолевает с достоинством и отвагой, не предав свои высокие идеалы.

ISBN 978-5-00-671026-9

© фон Эйхендорф Й.
© Издательские решения

Содержание

Йозеф фон Эйхендорф	6
Предчувствие и действительность	7
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Предчувствие и действительность

Йозеф фон Эйхендорф

Переводчик Ирина Геворковна Назарова

© Йозеф фон Эйхендорф, 2026

© Ирина Геворковна Назарова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0067-1026-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Йозеф фон Эйхендорф

Предчувствие и действительность

Книга первая

Глава 1

Великолепное солнце взошло в тот момент, когда корабль отправился в плавание вдоль берегов Дуная, покрытых зелеными горами и лесами. На палубе расположилась веселая компания студентов. Они сопровождали молодого графа Фридриха, который покинул на время университет, чтобы отправиться в путешествие. Некоторые из них растянулись тут же на палубе, разостлав плащи, и играли в кости. Другие отдавали честь и салютовали выстрелами замкам, мимо которых они проплывали, а те в свою очередь возвращали приветствие эхом, и поэтому стрелки были постоянно заняты, заряжая и разряжая свои винтовки. Третьи упражнялись в остроумии над всеми, кто имел несчастье оказаться в это время на берегу, и этот импровизированный разговор обыкновенно заканчивался забавными оскорблениями, которые продолжались до тех пор, пока обе стороны не переставали слышать друг друга. В центре этого шумного сближения стоял граф Фридрих, погруженный в тихую радость. Он был крупнее всех остальных и отличался от других какой-то особой свободной простотой и наружностью, напоминавшей благородных рыцарей прошлого. Сам он говорил мало, просто наслаждался общим весельем; обычный человеческий разум легко счел бы его простоватым. С обоих берегов реки, поросших лесом, доносилось пенье птиц, далеко в горах отдавались эхом веселые возгласы и стрельба, дул свежий ветер. Так и плыли студенты в своих красочных фантастических костюмах, живописностью напоминая корабль аргонавтов. Как свежа молодость! Не верь, что на земле будет иначе. Наши радостные мысли никогда не постареют, а молодость вечна.

Бой, кто путешествовал по Дунаю из Регенсбурга, знает прекрасное место под названием Вирбель. Высокие горные ущелья окружают это чудесное место. Посреди реки стоит причудливой формы скала, с вершины которой смотрит тихо и мирно вниз высокий крест, прямо в пучину негодующих волн. Здесь не видно ни одного человека, не слышно пенья птиц, и только лес, покрывающий горы да страшный, увлекающий в свою пропасть все живое круг, продолжает затягивать в свою воронку столетия. Темное устье водоворота время от времени открывается, как око смерти. Человек вдруг чувствует себя брошенным во власть враждебной, неведомой стихии, и крест на скале предстает здесь в своем самом святом и величайшем значении. Все замолчали при виде этого зрелища и глубоко вздохнули под шум волн. Тут другой странный корабль, долгое время следовавший за ними с большого расстояния, вдруг завернул за угол скалы позади них. Высокая молодая женская фигура, стоя на палубе, не отрывала взгляда от водоворота. Студенты, пораженные неожиданным появлением женщины в этой темно-зеленой пустыне, единодушно грянули радостное «Ура», которое разнеслось эхом по всей округе. Девушка повернула голову и ее глаза встретились со взглядом Фридриха. Он весь внутренне сжался. Потому что их взгляды внезапно открыли в его сердце новый мир цветущего чуда, древних воспоминаний и доселе неведомых желаний. Он долго стоял, поглощенный их видом, и едва заметил, как река снова стала спокойнее и с обеих сторон проносились красивые замки, деревни и луга, откуда ветер доносил перезвон колокольчиков пасущихся стад.

Они как раз проплывали мимо маленького городка. Прямо к берегу примыкали аллеи для променада. Дамы и господа вышли на прогулку под ручку в своих лучших нарядах, улыбаясь и приветствуя друг друга, отовсюду слышалась веселая музыка. Корабль, на палубе которого стояла прекрасная незнакомка, следовал все также за нашими путешественниками, держась на определенном расстоянии от них. Тогда один из студентов взял в руки гитару и запел веселую песню специально для молодой девушки:

Охотники стремятся в лес,
А всадники скачут в поля,
Студентов же манит земля,
Всецело, весь мир до небес.

Всем сердцем дни весны любя,
Как будто бы счастья приют,
В лесах птицы звонко поют,
Приветствуя, песней тебя.

Они заметили, что красавица смотрит на них, и их сердца и взгляды устремились к ней как паруса. И вот уже корабль с незнакомкой почти вплотную приблизился к их судну. «А ведь она и вправду очень красива!» вскрикнули некоторые, а студент продолжил песню:

Наш славный рыцарский союз
Поток речной Дуная мчит,
Тебе он зла не причинит,
Не бойся! В этом я клянусь!

Ты только бровью поведи,
Взгляни на нас, и не робей,
И благосклонно награди,
Того, кто всех тебе милей.

Оба судна вновь подошли близко друг к другу. Красавица сидела уже впереди и не осмеливалась оглянуться. Она отвернулась в другую сторону и что-то чертила пальчиком по палубе. Ветер доносил до нее звуки, и она ясно слышала все слова песни, которую пел студент:

Сквозь сумрак ночи путь лежит,
Ни зги не видно, только хлад
Да ветра вой, но нас роднит
Наш крепкий доблестный отряд.

Прощай, дитя, не надо слез,
День одолеет эту ночь,
Земля блестит от первых рос,
Мы уплывем сегодня прочь.

Наконец наступил вечер, и лодочники направились к берегу. Все вышли и пошли в сторону гостиницы, стоявшей на холме прямо на берегу Дуная. Студенты выбрали этот пункт местом своего прощания. Здесь они планировали завтра утром оставить графа и снова отправиться обратно. Они сразу заняли просторную комнату, окна которой выходили на Дунай. Фридрих последовал за ними чуть позже. Когда он поднимался по лестнице, сбоку открылась дверь, и из освещенной комнаты вышла неизвестная красавица, которая тоже остановилась на ночлег в этой же гостинице.. Они оба, казалось, были шокированы встречей. Фридрих поздоровался с ней, она опустила глаза и быстро вернулась в комнату.

Тем временем весельчаки уже расположились в своей комнате. Там в полном беспорядке валялись куртки, шляпы, плюмажи, курительные трубки и обнаженные мечи. Все смешалось в пеструю кучу, а горничная с тайным страхом ходила среди диких гостей, полуодетых лежавших на кроватях, столах и стульях, как солдаты после кровавой битвы. Вскоре было доставлено вино. Молодые люди сели в круг, пели и пили за здоровье графа. Фридрих чувствовал себя сегодня странно. Он за несколько лет привык к такому образу жизни, и сердце его всегда согревалось тем, как смело и мужественно смотрела ему в лицо эта свободная молодежь. И вот теперь он должен был проститься с ними со всеми, возможно, навсегда. Он чувствовал себя словно гостем на веселом бале-маскараде, который вдруг он должен покинуть и выйти на улицу, по которой идут мимо него трезвые люди. Он незаметно проскользнул из комнаты на балкон, который одним крылом выходил на Дунай. Пение студентов, иногда прерывалось звоном бокалов, доносившимся из окон, которые отбрасывали в долину длинный свет. Ночь была темная. Когда он прислонился к перилам, ему почудилось, что рядом кто-то есть. Он потянулся в сторону и схватил маленькую нежную ручку. Он притянул к себе мягкую ручку и встретился в крошечной тьме взглядом с двумя сверкающими глазами. По высокой статной фигурке он узнал красавицу, которая находилась на соседнем судне. Он стоял к ней настолько близко, что ощущал ее дыхание. Она не сопротивлялась. Он притянул ее к себе, и они поцеловались.

— Как Вас зовут? — спросил, наконец, Фридрих.

— Роза, — тихо сказала она и закрыла лицо руками.

В это мгновение дверь распахнулась и наружу вылился мутный поток света, перемешанный с табачным дымом и ревушими голосами. Девушка тут же исчезла, и Фридрих не успел ее удержать. Только много времени спустя он вернулся в свою комнату. Но там было уже тихо. Свечи выгорели до основания и бросали иногда еще мерцающий, мимолетный свет на комнату и на студентов, лежавших и спящих, как мертвецы, среди выкуренных табачных трубок. Фридрих осторожно прикрыл дверь и снова отправился на балкон, решив провести там остаток ночи. Он посмотрел на тихую местность, с восторгом вдыхая ее всеми органами чувств.

— Просто летите, облака, — кричал он, — просто шуршите и волнуйтесь, вы, леса! А когда всё на земле спит, мне не спится и хочется танцевать!

Он бросился на каменную скамейку, где сидела девушка, прислонился лбом к перилам и тихонько стал напевать про себя разные старинные песни, и каждая из них сегодня ему нравилась больше, чем раньше и заново трогала его. Бег ручья и плывущие облака наполнили его счастливыми мыслями, все огни в доме давно уже погасли. А волны, продолжавшие также размеренно ударяться о каменный берег внизу, навевая приятные грезы, наконец, убаюкали его.

Глава 2

Когда первые лучи солнца заглянули в окна, студенты один за другим поднялись с жесткой кровати, распахнули окна и потянулись, приветствуя свежее утро. Фридрих уже тоже был вместе с ними, ведь соловей, который перед домом всю ночь напролет без усталости пел, разбудил его, к тому же прохлада утреннего воздуха заставила его вернуться в теплое помещение. Пенье, смех и ободряющие речи вскоре вновь наполнили комнату. Фридрих мысленно возвращался к ночному происшествию. Ему казалось, будто он очнулся от оцепенения, словно прекрасная Роза, ее поцелуй и вообще все было только сном.

В комнату вошел хозяин постоялого двора со счетом.

— Кто была та женщина, которая вчера вечером вместе с нами прибыла сюда? — спросил Фридрих.

— Я не знаю ее, но по всему ясно, что она знатная дама. Рано утром за ней приехала карета, запряженная четверкой лошадей в сопровождении слуг, в которой она уехала.

При этих словах Фридрих посмотрел через открытое окно на реку, на горы, которые сегодня ночью были свидетелями его блаженства. Сейчас снаружи все выглядело иначе, и неопишуемая тревога охватила его сердце.

Лошади, которых студенты заказали, чтоб отправиться в обратный путь верхом, ждали их уже со вчерашнего вечера. Фридрих тоже купил себе красивого статного коня, на котором он собирался продолжить свое путешествие, но уже в полном одиночестве. Дорожные узлы были быстро связаны вместе, длинные шпоры пристегнуты, все оседлали коней. Студенты решили сопровождать графа еще немного вглубь страны, и вся разношерстная компания отправилась навстречу ясному утру. На перекрестке они, наконец, остановились и попрощались.

— Прощай, — сказал Фридриху один из студентов — ты отправляешься теперь в чужие страны, будешь жить среди чужих людей и, может быть, мы уже никогда больше не увидимся. Не забывай нас! И, когда однажды ты будешь жить в своем поместье, в своем замке, не будь таким, какими становятся многие — печальным, благообразным, скучным обитателем. Что касается меня, то я считаю, что ты был самым лучшим и смелым среди всех нас. Езжай с Богом!

После этого, не спешившись с коня, каждый пожал руку графа, и они разъехались в противоположные стороны. Когда Фридрих проехал некоторое расстояние, он оглянулся и увидел удаляющуюся в горы компанию с пестрым плюмажем на шляпах. Они пели хором известную студенческую песню:

Рог, в рог, в охотничий рог...

Это были последние слова, которые донес ветер.

— Прощайте, мои славные товарищи, — воскликнул граф, тронутый до глубины души, — прощай и ты, прекрасная вольная жизнь!

Перед его глазами пламенело великолепное утро. Он пришпорил коня, чтобы не слышать больше волнующие звуки песни и поскакал так быстро, что только ветер свистел в ушах.

Тот, кто видел студентов в походах, когда они рано утром выходили из темных ворот и махали шляпами на свежем воздухе, когда они весело и беззаботно шли по зеленой земле и, как в их бездонных глазах отражалась голубизна неба, лес и скалы, тому захотелось бы сопровождать нашего графа в его путешествии по горам. Теперь он ехал уже медленней. Крестьяне занимались земледелием, пастухи гнали стада на пастбище. Весеннее солнце ласково согревало землю, от которой шел пар. Блестящие капельки росы на деревьях, траве и цветах, словно глазки смотрели на мир, бесчисленные жаворонки взмывали в воздух. На душе у Фридриха было радостно! Тысячи воспоминаний, планов и надежд переполняли его словно игра теней. Образ красавицы Розы снова и снова оживал перед ним в обрамлении всех красок утра. Сол-

нечный свет, ласковый ветерок и пенье жаворонков смешались в одно целое, и в его поющем от счастья сердце возникла песенка, которую он все время про себя напевал:

Хрустальный блеск очей,
Уста из алых роз,
Одета в свет лучей
О, фея моих грез!

Под шелест роц поет
Соловушка всю ночь
Любимую зовет,
Жить без нее невмочь.

В кромешном мраке свет
Сильней во много раз:
Я отыскал ответ,
Зачем я здесь сейчас!

И солнце б не смогло
Без отдыха пылать,
И встречу с нежной мглой
Под вечер ожидать.

Любовь летит как свет
За тысячи морей,
И ей преграды нет,
К единственной моей.

Песенка так ему понравилась, что он тут же достал свою тетрадь для записей, чтобы записать ее. Едва он начал записывать, как все слова вдруг улетели, ведь он больше не пел, слова исчезли.... Он рассмеялся и стер все, что начал было записывать. Тем временем полдень пролетел почти незаметно, гуляя по прохладным лесным оврагам. Тут Фридрих увидел высокую гористую площадку, которую ему рекомендовали как известное место развлечений в этой местности. Разноцветные летние домики, предназначенные для отдыха, смотрели вниз с темной вершины в долину. Вокруг горы вилась тропа, по которой шли женщины, мужчины и дети. На женщинах были разноцветные шали, все шествие было красочным и привлекательным. Поэтому Фридрих развернул коня и поскакал за веселой процессией, наслаждаясь обзором местности. Он был еще более приятно удивлен, когда наконец достиг горной вершины. На широкой, красивой и прохладной лужайке сидели за маленькими столиками на открытом воздухе разные компании, наслаждаясь трапезой и приятной беседой. Дети играли на лужайке, какой-то старик-музыкант играл на арфе и пел. Фридрих в одиночестве заказал обед в летнем домике, стоявшем на склоне горы. Он широко открыл все окна, чтобы воздух струился отовсюду, и он мог видеть пейзаж и голубое небо. На столе стояло прохладное вино, а рядом блестели чистые гранёные бокалы. Он выпил за своих далеких друзей и за свою Розу. Потом подошел вплотную к окну. Отсюда были хорошо видны горы. Куда-то вниз бежал ручей, а

параллельно с ним бежала вниз ярко освещенная широкая горная тропа. Горячие солнечные лучи словно пронизывали долину, а вся местность внизу была охвачена душным покоем. Снаружи перед открытой дверью все еще играл на арфе и пел старик. Фридрих наблюдал за облаками, паруса которых уплывали куда-то в другие края.

— О жизнь! О странствия! Как вы прекрасны! — радостно воскликнул он, снял с пальца перстень с бриллиантом и нацарапал им на оконном стекле имя Розы.

Вскоре после этого он заметил внизу группу всадников, быстро мчавшихся по горной дороге. Он не сводил с них глаз. Девушка, высокая и стройная, ехала впереди остальных, и вдруг она взглянула на гору, прямо на то место, где стоял Фридрих. Гора была высокая, расстояние и скорость большими; но ему показалось, что она узнала его с первого взгляда, это была Роза. Как внезапный солнечный луч, эта мысль радостно пронеслась в его голове. Он быстро расплатился, вскочил на лошадь и как только мог быстро помчался по извилистой горной тропе; глаза и мысли его летели вперед, как орлы с высот. Когда он, наконец, выбрался на дорогу и смог свободно вздохнуть, всадников уже и след простыл. Он прищипорил коня и продолжил погоню. Тропа привела его к лесу. По свежим следам конских копыт он понял, что всадники поехали по ней. Поэтому он тоже последовал за ними. Когда он проехал достаточно большое расстояние, дорога снова стала делиться на несколько разных направлений, но никаких следов на твердой почве различить было уже невозможно. От нетерпения, ругаясь и смеясь одновременно, он остановился, подумал, хладнокровно выбрал дорогу, которая ему показалась самой подходящей, и отправился по ней дальше. Лес между тем становился все темней и дремучей, тропа все более узкой и дикой. Наконец, он добрался до темно-зеленого прохладного места, окруженного скалами и высоченными деревьями. Это уединенное место так ему понравилось, что он решил там передохнуть. Он спешился, ласково потрепал лошадь по холке, снял с нее узду и отпустил пастись на лужайку. Сам же лег на спину и стал наблюдать за движением облаков. Солнце стало клониться к закату, и его косые лучи просвечивали через темные кроны деревьев, которые, шелестя, покачивались на ветру. Бесчисленные лесные птички весело и беззаботно щебетали. Он так устал, что не заметил, как уснул. Сквозь дрему ему иногда чудилось, как будто он слышит звук рога, но он никак не мог выйти из забытья и снова погружался в сон.

Когда он проснулся, то не на шутку испугался, так как наступила ночь, мрачная и молчаливая, вокруг было тихо и пустынно. Вдруг он услышал голоса мужчин, которые разговаривали где-то совсем рядом. Он окликнул их, но ему никто не ответил, и все снова погрузилось в тишину. Он оседлал лошадь и продолжил путь наудачу. С трудом пробираясь через черную ночь из леса, он очутился наконец на горном хребте, поросшем мелким кустарником. Луна была яркой и взгляд, брошенный в бесконечное небо, его обрадовал и придал ему сил. Вероятно, ровное место, на котором он оказался, находилось где-то очень высоко, так как вокруг себя он видел только темное кольцо гор. С одной стороны, издали доносились однообразные удары кузнечного молота. Фридрих направился именно в ту сторону. По мере того как он двигался вперед, тени его и его лошади проносились по пустоши перед ними, словно темные великаны, и лошадь, часто фыркая и, пугаясь, часто вздрагивала. «Итак, — рассуждал Фридрих, чье сердце было довольным и открытым. — Вот что, должно быть, чувствовали рыцари много сотен лет назад, когда они шли по этим горам в тишине ночи и думали о славе и великих делах. Кто-то, возможно, смотрел сверху вниз на эти леса и горы, и был охвачен благородными помыслами. Эти чувства и мысли никуда не исчезли, они хранятся тут же, где и возникли. Сколько усилий мы вкладываем в свои лучшие годы, учась, шлифуя себя, чтобы превратиться в настоящих людей, как будто мы боимся или стыдимся себя, и поэтому хотим спрятаться и отвлечься за всякими умениями, вместо того, чтобы собраться внутренне для принятия высоких решений и добродетельного поведения. Ибо поистине, тихая, смелая, деловая и рыцарская жизнь необходима каждому человеку и сейчас, как это было когда-то. Поэтому каждое дитя

этого бренного мира должно проводить хотя бы одну ночь в месяц в одиночестве на открытом воздухе, чтобы оставить свои напрасные усилия и потуги в искусствах, и укрепиться духовно, вырасти в своей вере. Как я счастлив и бодр! Дай Бог мне только благодати и сил, чтобы эта рука однажды смогла совершить что-то поистине праведное в этом мире!»

Погруженный в подобные мысли, он продолжал путь. Тем временем тропа спускалась все ниже и ниже и, наконец, он увидел свет, мерцающий из долины. Он поспешил на огонек, который привел его к старенькому, одинокому дому. Он заглянул в комнату через маленькое окно. Вокруг стола сидела и пила горячительное кучка оборванцев с бородами, жуликовыми лицами. По углам горницы стояли ружья. У яркого камина, бросавшего отвратительный свет на толпу людей, сидела, сгорбившись, старуха и переворачивала на огне окровавленные кишки. Графа охватил ужас при виде этого ужасного зрелища; он быстро сел на лошадь и помчался через поле. Шорох и шум, исходивший от лесной мельницы, подсказывали ему направление. Там, во дворе мельницы, его встретила огромная собака. Фридрих и его лошадь слишком устали, чтобы идти дальше, поэтому он постучал в дверь. Изнутри ответил хриплый голос. Вскоре дверь открылась, и на крыльцо вышел высокий, худой мужчина. Он оглядел Фридриха с ног до головы, и, когда тот попросил у него пристанища, взял лошадь под уздцы и молча повел ее в конюшню. Фридрих вошел в комнату. Женщина, находившаяся внутри, разжигала огонь. Во вспышках искр он заметил молодое и красивое лицо девушки. Она зажгла свечу и взглянула на графа с радостным изумлением, от которого, казалось, у нее чуть не перехватило дыхание. Затем она схватила свечу и, не говоря ни слова, повела его вверх по лестнице в просторную комнату с несколькими кроватями. Она шла босиком, и Фридрих заметил, что на ней из одежды была одна рубашка, а грудь была почти совсем обнажена. Его раздражала наглость такого нежного и юного создания. Когда они оказались в комнате, расположенной наверху, девушка остановилась и испуганно посмотрела на графа.

— Иди, — сказал он добродушно, — иди спать, милое дитя.

Она оглянулась на дверь, затем снова на Фридриха.

— Ах, Боже мой! — сказала она, наконец, и, прижав руку к сердцу, медленно вышла из комнаты. Фридриху ее поведение показалось странным, ведь от него не скрылось то, что, уходя, она дрожала всем телом.

Полночь уже миновала. Фридрих был перевозбужден и не мог уснуть из-за всех событий, с которыми он столкнулся за такой короткий период времени. Он присел к открытому окну. Было слышно, как где-то впереди вода переливалась через плотину. Луна выглядывала странно и жутковато из-за темных облаков, быстро летевших по небу. Он запел:

Он скачет в ночи на гнедом скакуне,
Слышится топот копыт в тишине:
«Спи сладко, дитя мое, в спальне своей,
Ведь темная ночь — это враг для людей!»

Он мимо глубокого едет пруда
Красавица там, словно призрак бледна,
Поет и одежду ей ветер впотьмах
Колышет, вселяя в проезжего страх.

Вдоль русла реки, оставляя свой след,
Он едет, ему посылает привет
Со свистом хозяин реки- водяной,

И вновь растекается хлад и покой.

Когда петухов призывала заря
На грани слияния ночи и дня,
Споткнулся гнедой и с обрыва упал,
Там всадник могилу свою отыскал.

Вероятно, он просидел так около часа, как вдруг во дворе залаял пес. Ему показалось, что снаружи доносятся голоса. Он прислушался, но вокруг снова стало тихо. Им овладело непонятное беспокойство. Он отошел от окна. Проверил свои пистолеты и положил на стол саблю. В этот миг дверь распахнулась и на пороге появилась группа разбойников. Они явно были в замешательстве, так как не рассчитывали увидеть графа бодрствующим. Он узнал шайку разбойников, которых видел в домике в лесу, а также узнал долговязого мельника, приютившего его на ночлег. Он первый взял себя в руки и вдруг выстрелил в графа из пистолета. Пуля попала в стену рядом с его головой...

— Промахнулся, коварный пес, — крикнул вне себя от гнева граф и прострелил разбойнику голову.

Потом он схватил саблю, бросился в толпу, расталкивая разбойников направо и налево, сбежал по ступенькам вниз, оглядываясь вокруг с надвинутой на глаза шляпой. В разгар резни ему показалось, что он снова увидел прекрасную дочку мельника. Она держала в руке меч, которым ловко владела, отбиваясь от разбойников и защищая графа. Наконец, у подножия лестницы, он упал без сознания, изнемогая от множества ран и кровопотери, поскольку все, кто еще был на ногах, разбежались.

Глава 3

Когда Фридрих, придя в себя, вновь смог открыть глаза и посмотреть на белый свет, он обнаружил, что находится в незнакомой, красивой и богатой комнате. Утреннее солнце освещало шелковые занавески его кровати; его голова была забинтована. В ногах кровати, прислонившись к ней, сидел красивый мальчик, обхватив голову руками, и спал.

Фридрих не понимал и не помнил, что с ним произошло. Однако, та ужасная ночь на мельнице с лицами убийц все-таки стояла у него перед глазами достаточно ясно, а все остальное было как в тумане. Разные чужие образы, встречавшиеся ему в последнее время, мелькали, как тени, и были почти неразличимы. Однако одна единственная картина стояла у него перед глазами и была ему очень приятна. Она все время стояла у него перед глазами. Ему казалось, что над ним склонился прекрасный ангел. Он был так близко, что длинные роскошные локоны касались его лица, а слова, которые он произносил, звучали, как музыка.

Поскольку он чувствовал себя значительно лучше, он встал с кровати и подошел к окну. Он увидел, что находится в большом замке. Окна выходили в сад, который располагался внизу. Было еще тихо, только птицы порхали по пустынным прохладным аллеям. Утро было бодрым.

Мальчик, спавший возле кровати, между тем проснулся.

— Слава Богу! — воскликнул он, открыв глаза и увидев графа, стоявшего перед окном.

Фридриху показалось его лицо знакомым, но он никак не мог вспомнить, где он мог его видеть.

— Где я? — спросил он, наконец, удивленно.

— Слава Богу! — снова повторил мальчик и посмотрел на него большими радостными глазами.

Он не отводил взгляд от графа, словно произошло чудо, будто он не мог поверить в то, что граф выжил. Фридрих подошел к нему и попросил его объяснить всю эту странную историю, которая с ним произошла. Мальчик собрался с мыслями и начал рассказ:

— Рано утром вчера я пошел в лес и увидел тебя без признаков жизни лежащим на дороге. Из головы текла кровь. Я перебинтовал рану своим платком, как смог. Но кровь не останавливалась, и я не мог ничего сделать, чтоб остановить ее. Я стал звать на помощь, бегал неподалеку и кричал от страха и беспомощности, молился, плакал и снова звал на помощь. И вдруг на дороге появилась карета. Какая-то дама увидела нас и приказала кучеру остановиться. Слуги очень ловко сделали тебе перевязку. Дама была очень напугана и удивлена, мне так показалось. Потом она взяла нас обоих в карету и привезла в этот замок. Графиня не спала почти всю ночь и дежурила у твоей постели.

Фридрих сразу подумал об Ангеле, которого он видел, склонившимся над ним. Это снова привело его в замешательство.

— Но кто ты? — снова спросил он мальчика.

— У меня нет больше родителей, — ответил он и опустил глаза, — я хожу по стране в поисках работы.

Фридрих взял испуганного ребенка за руки:

— Хочешь остаться со мной?

— Да! Навсегда, господин! — воскликнул мальчик с готовностью, которая бросилась в глаза.

Фридрих полностью оделся и вышел из своей комнаты, чтобы получить хоть какую-то достоверную информацию о замке, в котором он находился. Он был поражен готической (древне-франкской) архитектурой замка и его обстановки. Все переходы имели стрельчатое арочное строение, остроконечные окна были вмурованы в толстые темные стены и украшены круглыми розетками. Изумительные витражи дополняли оконные перемычки: они сверкали

самыми пестрыми красками в лучах утреннего солнца. В замке было тихо. Фридрих выглянул через окно во двор. Замок располагался на склоне горы, которая, как и равнина была покрыта лесом, из которого доносились звуки ударов топора, которым орудовали одиночки-дровосеки. Прямо у окна над головокружительной пропастью стоял рыцарь гигантского размера, высеченный в стене, держа в сложенных руках меч, напоминая каменного Роланда. Фридрих каждую минуту ждал, что вот-вот в коридоре появится хозяйка замка, красивую головку которой будет обрамлять высокий стоячий кружевной воротник. В таком странном настроении он стал спускаться по лестнице вниз, направляясь через подъемный мостик в сад. Здесь, на широком открытом пространстве, росли диковинные заморские цветы, собранные в фантастические композиции. Искусственные фонтаны то и дело взмывали ввысь, сверкая в прохладном утреннем воздухе. По зеленой лужайке прогуливались павлины, пощипывая травку и горделиво демонстрируя свои красочные, похожие на веер хвосты. На заднем плане на одной ноге сидел аист и меланхолично смотрел вдаль. Наслаждаясь великолепным зрелищем свежего утра, Фридрих увидел на некотором расстоянии перед собой человека, сидевшего у шпалеры за маленьким столиком, заваленным бумагами. Он писал, иногда поглядывая вокруг и снова продолжал усердно писать. Фридрих хотел уйти с дороги, чтобы не беспокоить его, но это был единственный путь, и незнакомец уже увидел его. Поэтому он подошел к нему и поприветствовал его. Писец, возможно, опасался долгого разговора.

— Я действительно вас не знаю, — сказал он наполовину сердито, наполовину смеясь, — но, если бы даже вы сами были бы Александром Великим, мне бы пришлось попросить вас не заслонять мне солнце.

Фридрих чрезвычайно удивился поведению этого невежливого новоиспеченного Диогена и оставил странного человека, который тут же снова продолжил писать.

Теперь он подошел к выходу из сада, где росла веселенькая лиственная роща. На опушке леса стоял охотничий домик, украшенный со всех сторон оленьими рогами. На небольшой полянке перед домом посреди леса красивая девушка лет пятнадцати сидела на чем-то похожем на только что убитого оленя, гладила шкурку и пела:

Если б родилась я ланью,
Я б гуляла по лесам,
И встречалась утром ранним
С милым сердцу другом там.

Молодой охотник, который стоял в сторонке, прислонившись к дереву, сопровождал ее пение на валторне, и тут же отвечал ей в ритме ее мелодии:

Чтоб с любимой повидаться,
Я готов часами ждать,
Ей хочу в любви признаться,
Только нет ее опять.

Она:

В зеленой темени лесов,
Алеет юный день,
Но так сверкает только кровь,
Там твой убит олень.

Он:

А коль в живых оленя нет,
Зачем мне в лес нестись?
Все ярче розовый рассвет...
Малышка, берегись!

При этом она вскочила со своего оленя, потому что лошади, собаки, охотники и звуки валторны с шумом и гамом вырвались из леса и в красочном беспорядке рассыпались по лугу. Очень красивый молодой человек в охотничьей одежде со свисающим шейным платком, бесшабашно спрыгнул с коня, и к нему со всех сторон дружно подскочила свора больших собак. С первого взгляда Фридрих был поражен большим сходством его со старшим братом, которого он не видел с детства, и который отличался от незнакомца только тем, что незнакомец был свежее и веселее на вид. Он сразу же подошел к нему.

— Я рад, — сказал он, — видеть тебя в добром здравии. Моя сестра встретила тебя по дороге в плачевном состоянии и вчера вечером привезла тебя в мой замок. Она уехала сегодня еще до рассвета. Оставайся с нами. Обещаю, компания будет веселая!

Пока Фридрих благодарил его за доброту и гостеприимство, ветер внезапно принес из сада несколько листов бумаги, которые летели высоко над их головами к ближайшему водоему. После этого сверху послышался голос: «Держите, держите, держите!», и человек, которого Фридрих застал пишущим в саду, быстро подбежал к ним. Леонтин, так звали молодого графа, владевшего этим замком, быстро взвел курок и выстрелил по разлетающимся листам бумаги.

— Это глупо, — сказал запыхавшийся человек, подсевший к ним, когда собирал грязные, продырявленные пулями листки, на которых были написаны стихи. Красивая девочка, которая только что пела на лугу, хихикала у него за спиной. Он быстро обернулся и хотел поцеловать ее, но она увернулась, отпрыгнула и скрылась в охотничьем домике, выглядывая со смехом из полуоткрытой двери.

— Это наш поэт Фабер, — сказал Леонтин графу, представляя обиженного.

Фридрих вздрогнул, услышав это имя. Он читал много его сочинений, многие ему совсем не нравились, но были и такие, которые захватывали его настолько, что он не мог себе представить, как один и тот же человек мог создавать такие разные по красоте произведения. И теперь, когда этот удивительный человек стоял перед ним собственной персоной, он смотрел на него во все глаза, как будто хотел прочитать в его лице все стихи, которые ему больше всего нравились. Но он не обнаружил в нем ничего особенного. Фридрих представлял его себе совсем другим, и многое бы дал, чтобы таковым оказался живой и веселый Леонтин, при одном взгляде на которого сердце радовалось. Фабер со смехом рассказывал о том, как своим появлением в саду его ошеломил Фридрих.

— Вы сюда удачно приехали, — сказал Леонтин Фридриху, — потому что там господин Фабер сидит, как львица, над своим детенышем, готовая встать на его защиту.

— Так должен писать стихи каждый поэт, — сказал Фридрих, — на рассвете, под открытым небом, в раю, в прекрасном краю, душа бодрa, и как только зашумят деревья, запоют птицы, и охотник от удовольствия затрубит в рог, тогда поэт должен писать стихи.

— Вы натуралист в поэзии, — ответил Фабер с несколько двусмысленным выражением лица.

— Я бы хотел, — перебил его Леонтин, — чтобы вы предпочитали каждое утро кататься со мной, дорогой Фабер. Утро сияет перед тобой, как прекрасная любовница, а ты мажешь ее прекрасное лицо чернилами.

Фабер засмеялся, вытащил маленькую флейту и начал на ней играть. Фридрих нашел его в эту минуту очень любезным. Леонтин попросил графа поехать с ним к сестре, если он чувствует, что у него для этого достаточно сил. Фридрих с радостью согласился, и вскоре оба

они мчались верхом. Местность была живописной. Они ехали по широкому зеленому лугу. В это прекрасное утро Фридрих совершенно пришел в себя, и был в восторге от изящного Леонтина, под которым, грациозно выгнув шею, танцевала лошадь.

— Сестра моя, — сказал по дороге Леонтин и со скрытым смехом посмотрел на графа, — сестра моя намного старше меня, и я должен предупредить, что она очень некрасива.

— Вот как! — сказал Фридрих медленно, ведь в душе он тайне лелеял совсем другие надежды.

Больше он ничего не сказал; Леонтин рассмеялся и стал насвистывать веселую песенку. Наконец, вдали показался новый красивый замок, выраставший из огромного парка. Это был замок сестры Леонтина.

Они спешили вниз у входа в парк и стали пешком подниматься наверх. Сад был обустроен по последнему слову тогдашнего времени. Небольшие, извилистые коридоры, густые заросли заморских кустарников, между которыми весело извивались легкие мостики из белой березы, были довольно приятным зрелищем. Они вошли в дворцовый зал, который располагался между несколькими тонкими колоннами. Это было большое крашеное помещение с блестящим полом; с потолка свисала хрустальная люстра, а вдоль стен стояли оттоманки, обитые дорогими тканями. Высокая стеклянная дверь выходила в сад. Поскольку было еще рано, во всем ряду великолепных комнат, примыкавших к этой, никого не было видно. Утреннее солнце, светившее через стеклянную дверь, наполняло прекрасную комнату таинственной светотенью и осветило гитару, лежавшую на маленьком столике. Леонтин взял ее и снова вышел. Фридрих остался стоять в дверях, а Леонтин стоял снаружи под окном, перебирал струны и пел:

Рассвета луч едва взыграл,
Два рыцаря уже в саду,
Струной гитарной зазвучал
Призыв: дитя, я тебя жду!

Тут замков множество меж гор,
Хрустальные ручьи звенят,
А в небе певчих птишек хор,
Закрой окно! Спускайся в сад!

Фридрих не был расположен знакомиться с постаревшей красоткой, он спокойно остался стоять у двери. Он услышал, как сверху отворилось окно.

— С добрым утром, милый брат! — раздался приятный голос.

Леонтин снова запел:

Не надо пудры и румян,
Ты хороша без них, поверь,
Ничто не сковывает стан,
И нас не остановит дверь.

— Раз ты так скверно поешь, — произнес сверху приятный голос, — то я снова пойду спать.

Фридрих заметил белоснежную, пухлую ручку у окна, а Леонтин продолжил петь:

Я не один, наш гость со мной,
Он этой встрече будет рад,

Дитя, открой, мы за тобой,
Тебе к лицу любой наряд!

Фридрих вышел из своего укрытия и с изумлением увидел у окна — свою Розу. На ней был легкий пеньюар, она протянула руки навстречу свежему утру. И когда она вдруг случайно заметила Фридриха, то резко опустила руки, захлопнула окно и исчезла.

Леонтин тут же ушел, чтобы порезвиться с новой лошастью сестры, а Фридрих остался в саду один. Вскоре вниз спустилась графиня Роза в белом утреннем платье. Она поздоровалась с графом со скромностью, которая делала ее неотразимо прекрасной. Длинные темные кудри ниспадали с обеих сторон на плечи и ослепительно белую грудь. Иногда сквозь полные красные губы можно было увидеть прекрасные белые зубки. Она все еще дышала теплом ночи; такое великолепие и красоту Фридрих никогда еще не встречал. Они пошли бок о бок в сад. Утро сверкало по всей округе, бесчисленные птицы пели на каждой ветке. Они сели на травянистый берег под кроной дерева. Фридрих поблагодарил ее за сострадание и рассказал о своем чудесном путешествии по Дунаю. Пока он говорил, графиня сидела молча, едва дыша, опустив длинные ресницы. Когда он наконец упомянул о своей ране, она внезапно открыла свои большие красивые глаза, чтобы посмотреть на рану. Ее глаза, кудри и грудь приблизились к нему так близко, что их губы почти соприкоснулись. Он поцеловал ее, и она ответила на поцелуй. Потом он обнял ее и стал целовать бесчисленное количество раз, и все радости мира смешались в это одно мгновение, которое уже никогда не повторится. Роза наконец вырвалась, вскочила и побежала к замку. Ей навстречу шел Леонтин. В полном смятении она бросилась в его объятия. Он поцеловал ее и направился к Фридриху, чтобы вместе отправиться домой.

Когда Фридрих снова сел на коня, он вдруг осознал всю глубину своего счастья. С неописуемым восторгом он смотрел на мир, который раскинулся перед ним в роскошном утреннем убранстве. «Она моя!» — повторял он про себя, «она моя!». Леонтин со смехом вновь напоминал ему описание своей «страшенькой» сестры перед приездом их в замок Розы. Потом он погнал лошадь вперед, перепрыгивая через ямы и прочие препятствия с поразительной легкостью и смелостью, выделявая при этом всевозможные трюки. Когда они подъехали к замку Леонтина, еще издали они слышали какой-то непонятный шум. Кто-то трубил бессвязно и фальшиво в лесной рог, а в паузах слышалась беспрерывная ругань.

— Опять Фабер что-то натворил, — сказал Леонтин.

Так оно и было. Господин Фабер во время их отсутствия надумал сочинять стихи про эхо, которое оставляет лесной рог. К сожалению, в это же время одному из охотников Леонтина пришлось в голову неподалеку действительно потрубить в рог. Фаберу мешала его игра, поэтому он нетерпеливо крикнул охотнику, чтобы тот прекратил. Но того, как почти всех людей Леонтина, всегда раздражала личность господина Фабера из-за того, что он всегда комично выглядел с пером за ухом. Поэтому он не слушал его. Тогда Фабер вскочил и стал осыпать его оскорблениями. Чтобы заглушить поток брани и вместо ответа, охотник «вылил» на него из рога целый поток резких и фальшивых звуков, а Фабер с красным от гнева лицом стоял перед ним и жестикулировал. Когда охотник увидел своего хозяина, он прекратил веселое издевательство и убрался восвояси. Фабер, однако, несмотря на то, как бы злобно он ни выглядел во время перепалки, вдруг успокоился. Гнев его уже давно покинул; в разгар ярости ему пришлось на ум множество смешных ругательных слов и комических грубостей, и он продолжал смело ругаться, уже не думая об охотнике и, наконец, разразился громким смехом, к которому сердечно присоединились Леонтин и Фридрих.

Вечером Леонтин, Фридрих и Фабер сидели вместе под открытым небом за столиком, который стоял на лужайке перед охотничьим домиком и мирно ужинали. Закат сиял, просвечивая через верхушки елового леса, который окружал лужайку. Вино развязало им языки, и они разговаривали как старые добрые приятели.

— Вот это и есть настоящая жизнь поэта, господин Фабер! — довольно произнес Фридрих.

— Абсолютно с Вами согласен, — несколько патетически произнес Фабер. — Я часто слышу, как смешивают жизнь и поэзию.

— Да, да, добрейший, господин Фабер, — перебил его Леонтин, для которого любой серьезный дискурс о поэзии был как нож в сердце, потому что он в этом ничего не понимал. Он имел обыкновение вклиниваться в разговор с шутками, беспечной болтовней, вот и сейчас, перебивая собеседников, он продолжал:

— Вы так все запутываете своим словоблудием, что, под конец сам себя уже не понимаете. Я когда-то на полном серьезе верил, что я — душа мира, теперь я не знаю, есть ли у меня душа или наоборот. Но жизнь, мой дорогой господин Фабер, с ее красочными картинками предстает поэту, как бесконечная необозримая иероглифическая книга, переведенная с неизвестного, давно утраченного исходного языка. Из века в век сидят и читают эту книгу без усталости самые честные, добродушные дураки и поэты этого мира. Но старые чудесные шифры, толкующие слова, утеряны, а ветер так быстро развеивает по воздуху и спутывает листы великой книги, что глаза не успевают их прочитать.

Фридрих с удивлением посмотрел на Леонтина, ведь в его словах было что-то серьезное; Фабер, однако, для которого Леонтин, казалось, говорил слишком быстро, спокойно возобновил свою прежнюю речь:

— Вы считаете поэзию очень легким делом, потому что она как бы сама собой льется из-под пера, но никому не приходит в голову думать о ней, как о ребенке: может быть уже много лет его образ витает в воздухе, затем питается и формируется в утробе матери с радостями и болью, прежде чем приветствует радостный дневной свет из тихого дома.

— Это скучный ребенок, — бодро перебил его Леонтин, — если б я был той самой беременной женщиной, как вы изволили сказать, я бы рассмеялся, как Филина* перед зеркалом (*речь идет о произведении Гёте «Вильгельм Мейстер» — прим. переводчика*), прежде, чем на меня сошли бы первые строки.

Тут он заметил стопку бумаг, которая торчала из кармана сюртука Фабера. На одном из листов была надпись: «К немцам». Леонтин попросил его прочитать это сочинение. Фабер достал его и прочел. В стихотворении говорилось о смертельно раненом рыцаре, который обратился к врагам немецкого народа с вызовом. И Леонтин, и Фридрих удивились мастерству изложения и глубине мысли этого романа и были от него в восторге. Кто мог бы поверить, что господин Фабер написал этот романс в то самое время, когда он бежал, чтобы его не заставили пойти на войну против французов? Тогда Фабер взял в руки еще один листок и прочел им стихотворение, в котором он представил себя самого в высшей степени комическом образе, в некоей трусливой метафоре, в которой среди смешных шуток, сквозила глубокая серьезность, с примесью благочестия в глазах, которые смотрели спокойно и трогательно. Каждое слово этого стихотворения проходило в молчании через сердце Фридриха. Теперь ему вдруг стало ясно, почему столько позиций и взглядов в сочинениях Фабера остались ему совершенно чужды.

— Одному мне дано делать, писать, — сказал Фабер, когда он закончил читать. — Быть поэтичным и быть поэтом, — продолжал он, — это разные вещи, и о них можно говорить все, что угодно. В последней из них, как признает даже наш великий мастер Гете, всегда присутствует какая-то ловкость рук, хождение по канату и т. д.

— Это не тот случай, — серьезно и уверенно сказал Фридрих, — а если бы это было так, то я бы никогда не стал писать стихи. Как же вы хотите, чтобы люди уважали ваши произведения, проникались ими и верили им, если вы сами не верите в то, о чем пишете красивыми словами, к тому же искусственными мыслями пытаетесь перехитрить Бога и людей? Это тщеславная и бесполезная игра, вам это не поможет, потому что в этом нет глубины и величия, которые

свойственны простому сердцу. Правду говорят, что это все равно, что дать кинжал, против божественной поэзии в руки дьяволу подлости, который всегда на чеку и высматривает жертву в толпе. Где же должны найти прибежище правильные, простые обычаи, верные поступки, прекрасная любовь, немецкая честь и вся прежняя великолепная красота, если их рыцари — поэты, не выполняют этот поистине честный, искренний долг, как и подобает рыцарю? Что я особенно ненавижу до смерти, так это те вечные жалобы, которые слезливыми сонетами пытаются вернуть нас в старые добрые времена и, как вспыхнувшая солома, ни плохие не уничтожают, ни хорошие не согревают. Ибо как мало людей, у которых сердца разрываются, оттого, что все происходит так глупо, и если у меня не хватает смелости быть лучше своего времени, то я должен просто перестать жаловаться, потому что нет времени на осуждение плохого. Святые мученики, вот пример для подражания! Они во весь голос исповедовались своему Спасителю, бросались в пламя смерти с воздетыми руками — это настоящие братья поэта, и он должен следовать их примеру; ибо они выражали вечный Дух Божий на земле делами, так пусть поэт искренно возвещает и прославляет Имя Его в сложные враждебные времена правильными словами и божественными мыслями. Толпа, интересы которой сосредоточены только на мирских вещах, рассеянная и вялая, сидит, сгорбившись и, будучи слепой, греется снаружи под теплыми солнечными лучами и наивно тянется к вечному свету, которого она никогда не увидит. Поэт в одиночестве открывает свои прекрасные глаза; со смирением и радостью смотрит на небо и землю, изумляясь сам, и сердце его открыто природе, ее буйству, и он воспевае мир, который, как картина Мемнона, полная немого смысла, снова и снова откликается на зов, когда Аврора соединяется с поэтом родственными лучами.

Леонтин радостно обнял графа.

— Красиво, особенно красиво сказано в конце, — сказал Фабер и горячо пожал ему руку.

«Оба они так не считают. Никто из них меня не поддерживает в душе» — с грустью думал Фридрих.

Между тем становилось уже темно. Вечерняя звезда сверкнула в небе, осветив лес. Потом их разговор был прерван забавным образом. Маленькая Мари, которая утром пела с охотником на лугу, была одета как мальчик — охотник. Охотники преследовали ее по лугу, но поймать ее не удавалось, поскольку, по ее словам, от них пахло табачным дымом. Наконец, она прошла мимо стола, как испуганный олень. Леонтин поймал ее и посади себе на колени. Он откинул волосы с ее оживленных глаз и дал ей выпить из своего стакана. Она много пила и скоро стала необыкновенно разговорчивой, так что все были в восторге от ее живости. Леонтин стал делать намеки на ее спальню и другие легкомысленные замечания, а когда он наконец поцеловал ее, она обхватила его шею обеими руками. Вся эта игра причиняла Фридриху столько же боли, сколько Фаберу удовольствия, и он громко говорил о соблазнах. Мари спрыгнула с колен Леонтина, озорными глазами посмотрела на всех, пожелала всем спокойной ночи и прыгнула в дом охотника. Леонтин с улыбкой подал Фридриху руку, и все трое отправились отдыхать. Уходя, Фабер сказал, что душа его сегодня настолько проснулась, что ему захотелось продолжать работу над начатым великим стихотворением до поздней ночи. Когда Фридрих пришел в свою спальню, он некоторое время стоял у открытого окна. С другой стороны замка одинокий свет мерцал из комнаты Фабера. Трудолюбие Фабера тронуло графа, и в эту минуту он показался ему высшим существом.

— Великолепно, — говорил он, — парить вот так с божественными мыслями над широким, молчаливым пространством земли. Только бодрствуй, думай и твори, счастливая душа, когда все остальные люди спят! Бог с тобою в твоём одиночестве, и только он один знает, чего искренне хочет поэт, даже если о нем никто не заботится.

Луна сияла прямо над древней башней замка, внизу в безмолвном спокойствии лежал черный лес. Окна выходили на местность, где жила за лесом графиня Роза. Фридрих принес с собой гитару Леонтина. Он взял ее в руки и запел:

Дневные смолкли звуки,
Родная, добрых снов!
Спит лес и дол, в разлуке
Лишь бодрствует любовь.

Не спится мне, я весел,
Душа моя светла,
Весь мир мне интересен:
В него любовь пришла.

Свободен я от вздора
Тщеславной суеты,
И в сердце нет раздора,
В нем радость и мечты.

Я упоен желаньем,
Мне хочется запеть,
И чудные признанья
Готовы с уст слететь.

Мне духу не хватает
Тебе все рассказать,
Я в счастье утопаю,
Но вынужден молчать.

Глава 4

Фридрих с радостью уступил просьбам Леонтина остаться подольше в его замке. Благодаря своей быстрой и веселой манере общения, Леонтин вскоре подружился с ним по-настоящему, и они договорились совершить путешествие по близлежащим горам, где было много мест, достойных внимания. Однако исполнение этого плана изо дня в день откладывалось. То погода была слишком туманной, то с лошадьми были проблемы, то еще какие-нибудь дела отвлекали, и, в конце концов, им пришлось признаться себе, что на самом деле трудно пока сосредоточиться на задуманном. У Леонтина здесь были свои тайны. Он часто уезжал очень далеко в лес, где часто оставался до полудня. Никто не знал, что он там делал, и сам он никогда об этом не говорил. Фридрих же почти каждый день навещал Розу. В ее прекрасном саду любовь разбила свой многоцветный шатер, раскинула свои чудесные дали с радугами и золотыми мостами в голубом небе, а горы и леса охраняли их, окружая волшебным кругом своего рассветного алого царства. Фридрих был невыразимо счастлив. Леонтин сопровождал его крайне редко, поскольку, ему, по его выражению, сестра его похожа на нарисованную весну. Фридриху постепенно стало казаться, что Леонтин, несмотря на всю свою живость, на самом деле внутренне холоден, и думал: «Какая польза тебе от прекраснейшей нарисованной или природной весны! Солнце должно светить на картину изнутри души, чтобы оживить ее».

Дома, в замке Леонтина, ничто не мешало поэтическим порывам Фридриха; все чудесные вещи, которые Фабер придумывал и старательно записывал, Леонтин пытался в своей свободной, прихотливой манере внедрить в обыкновенную жизнь. Все его люди могли жить, как им хотелось; валторна звучала в лесу почти день и ночь, пробуждающаяся чувственность маленькой Мари становилась все явственней, как у очаровательного чертенка, и поэтому этот странный, красочный дом превратил этот замок в настоящий сказочный дворец. В центре этого прекрасного праздника оставалось лишь одно существо одиноким и всеми забытым. Это был Эрвин, красивый мальчик, который попал в замок вместе с Фридрихом. Он был непонятен. Его единственной целью и задачей было обслуживать Фридриха, что он и делал скрупулезно, внимательно, дотошно и добросовестно. В остальном же он не вмешивался ни в чьи дела или развлечения, он казался рассеянным, всегда странным, замкнутым и почти жестким, как бы сладко и мягко ни звучал его светлый голос. Лишь иногда, в редких случаях, часто всем безразличных, он вдруг появлялся и много и оживленно говорил, тогда все замечали его красивое, одухотворенное лицо. Одной из его странностей было то, что его так и не удавалось уговорить провести ночь в комнате. Когда все в замке спали, а на небе снаружи светили звезды, он выходил с гитарой и обычно садился на стену старого замка над лесом и тайно играл, изучая инструмент. Порой, когда Фридрих просыпался ночью, ветер разносил по тихому двору отдельные ноты его песни, или рано утром он находил его спящим на стене в обнимку с гитарой. Леонтин называл мальчика чудесной старинной лютней, на которой теперь никто не умеет играть.

Однажды вечером, когда Леонтин слишком надолго задержался на одной из своих загадочных прогулок, Фридрих и Фабер, не желавшие пропускать счастливый вечер после трудового дня, сидели на лужайке у круглого стола. Луна уже стояла над темной башней замка. И вдруг они услышали шум, доносившийся из зарослей. Из леса на своей лошади появился Леонтин. Он выглядел как затравленный олень. Бледный как смерть, запыхавшийся, весь испарянный колючими ветвями, он тотчас же подошел к их столу и торопливо выпил один за другим несколько стаканов вина. Фридрих был потрясен при виде этого красивого и дикого образа. Леонтин громко рассмеялся, потому что заметил, что все смотрят на него с удивлением. Фабер, любопытствуя, уговаривал его рассказать им о том, с чем он столкнулся. Но он ничего не сказал, а вместо ответа сказал:

— Я ухожу в горы, кто со мной?

Фабер удивился и нерешительно объяснил, что любая отлучка будет для него нежелательной, теперь, когда он как раз работает над серьезным стихотворением, которое только что начал. Фридрих молчал. Леонтин все понял, освободил его от старого обещания сопровождать его. Но он взял с Фридриха обещание, что он будет ждать его в своем замке. Некоторое время они еще постояли. Леонтин оставался задумчивым и молчаливым. Оба его гостя вскоре отправились отдыхать, не зная, что и думать о странном поведении хозяина. Уже уходя, они слышали, как он поет:

О человек, навстречу дню
Ступай, не бойся же, что ночь,
Наводит страх на жизнь твою,
Ее прогонит утро прочь.

Проснувшись рано утром, Фридрих выглянул в окно. Он увидел Леонтина, который скакал по лесной дороге к замку своей сестры. Быстро оседлав коня, он отправился вслед за ним. Когда он подъехал к замку Розы, он застал Леонтина, который только что примчался, и громко о чем-то разговаривал с Розой в саду. Он приехал попрощаться. Но едва Роза услышала о его планах, как тотчас же ухватила за мысль поехать вместе с ним.

— Оставляю все как есть, — сказал Леонтин, — я сегодня соберу вещи и уеду отсюда. Я хочу отправиться странствовать, как отчаявшийся человек, я хочу, как Дон Кихот бродить по горам и совершать безумные поступки и тогда тебе придет в голову поехать со мной, как будто мы едем в Карлсбад или Пьемонт, чтобы каждый раз вставать на ноги и полнокровно жить. Но теперь весь мой путь похож на армейское передвижение, где впереди видны сверкающие мечи и развевающиеся флаги, а сзади едет длинный ряд повозок с женщинами, сидящими на старых стульях, кроватях и болтающих, готовящих, торгующих и спорящих, как будто перед тобой нет ничего, что встряхнуло бы тебя и вдохнуло надежду и придало сил. Поистине, если ты пойдешь со мной, моя дивная Роза, я уроню все чудесное красочное полукружие моих намерений о путешествии, как павлин, когда он смотрит на свои прозаические ноги.

Роза, не понимавшая ни слова из того, что говорил ей брат, не позволила все же отговорить себя от этой идеи. Она спокойно и твердо решила ехать, потому что ей слишком нравилось представлять себя амазонкой верхом на лошади, и она искала и жаждала новых зрелищ. Фридрих, только что приехавший сюда, покачал головой, он вдруг обнаружил, что Роза глупа и упряма, порок, который он считал самым нестерпимым из всех девичьих пороков. Ее упрямство ранило его еще сильнее, ведь она знала, что он не поедет с ней, что он от многого отказался только ради нее, и ему втайне захотелось отправиться в путешествие по миру в одиночестве. Леонтин, смотревший между тем на оба влюбленных лица, как бы обдумывая что-то, вдруг рассмеялся.

— Нет, — воскликнул он, — правда, так будет веселее! Роза, ты должна путешествовать с нами, и с Фабером, и с Мари, и с Эрвином, и с домом, и со всем двором. Мы будем осторожно передвигаться по зеленым холмам, как пастухи, а охотники оставят охотничьи рога дома и будут играть на флейтах. Я буду ходить с открытой шеей, выкрашу волосы в светлый цвет и завью их, я буду совсем ручным, буду ходить на цыпочках и всегда держать рот надутым и шепелявить: О дорогая, прекрасная душа, о жизнь моя, о, ангел мой! Видишь, я стараюсь быть смешным, соблюдая приличия. На крупную голову мистера Фабера мы наденем соломенную шляпу с фиолетовыми лентами и дадим ему в руки длинный посох, он пойдет впереди, как пастырь. А мы будем развлекаться, гуляя по зеленым рощам, а затем превратим наши горести и неудачи в серьезные сонеты.

Роза, которая из всего сказанного слышала только то, что ей будет разрешено путешествовать с ними, обвила руками шею брата и вела себя от радости так непосредственно, что

Фридрих снова совершенно примирился с ней. Наконец, было решено, что сегодня вечером они должны явиться в замок Леонтина, чтобы завтра с утра пораньше отправиться в путь, и она весело отправилась дать необходимые распоряжения для предстоящего отъезда. Когда Фридрих и Леонтин вернулись домой, последний, казалось, почти совсем забывший свое вчерашнее потрясение, тотчас же с большим азартом принялся за сборы, он отдавал приказания, устроил тарарам, и объявил, что вскоре будет вести настоящую цыганскую жизнь. Роза приехала под вечер, как и обещала, и увидела на лугу при лунном свете суету в самом, что ни на есть бурном ее проявлении. Охотники что-то напевали и чистили ружья, готовили сбруи и седла, другие готовили охотничьи рога, Фабер связывал целые тюки бумаги, маленькая Мари беззаботно прыгала. Сегодня все легли спать немного раньше обычного. Пока Фридрих дремал, он слышал снаружи звуки лютни. Потом раздался голос Эрвина. Песня, которую тот пел, удивительно тронула его, потому что это была старая простая мелодия, которую он очень часто слышал только в детстве. Он в изумлении подскочил к окну, но Эрвин прекратил играть. Свет в спальне Розы в другом крыле замка погас, ветер раскачивал флюгер на башне. Необыкновенно ярко светила луна, и Фридрих снова увидел Эрвина, как обычно, сидящего на стене с гитарой. Вскоре после этого он слышал голос мальчика; совершенно неизвестный мужской голос, казалось, время от времени отвечал ему. Фридрих удвоил внимание, но ничего не мог расслышать и не видел никого, кроме Эрвина. Лишь иногда ему казалось, что длинная рука тянется через стену к мальчику. Наконец он увидел тень, удаляющуюся от мальчика вдоль стены. В лунном свете тень становилась все выше с каждым шагом, пока, наконец, не достигла гигантских размеров и не исчезла в лесу. Фридрих высунулся в окно, но ничего не мог различить. Эрвин больше ничего не говорил, не пел, и воцарилась гробовая тишина. Его охватила дрожь. «Неужели это явление, — думал он, — имеет связь с тем, что случилось с Леонтином? Может быть, мальчик знает его тайну?» Его поразило то, что его лицо резко изменилось, когда Фабер еще раз упомянул о вчерашнем неизвестном происшествии с Леонтином. Ему показалось, что все это сон, настолько странным все было, и он, наконец, заснул.

Глава 5

Когда в горах и долине за окном снова посветлело, вся пестрая группа была уже в часе езды от замка Леонтина. Странная процессия представляла собой живописное зрелище. Леонтин ехал на строптивой лошади впереди всех. Одет он был легко и небрежно, и во всей фигуре его сквозило что-то иностранное. Фридрих выглядел совершенным немцем. Фабер же сделал самый странный и авантюрный костюм. У него была круглая шляпа с огромными широкими полями, которая должна была защищать его, как зонтик, одновременно от солнца и дождя. Рядом с ним висела раздутая сумка с планшетами для письма, книгами и другим дорожным снаряжением. Он был похож на странствующего ученого. Посреди них Роза ехала на красивой послушной лошади в женском английском седле. Длинное зеленое платье для верховой езды, скрепленное золотым поясом, облегло ее аппетитную фигуру, ослепительно-белый кружевной воротник окружал ее прекрасную головку в шляпке, на которой в утреннем воздухе качались высокие перья. Сопровождать ее поручили маленькой Мари, которая следовала за ней как мальчик-охотник. Эрвин тоже ехал вместе с ними, и его гитара висела у него, перекинута через плечо на небесно-голубой ленте. За ними ехали несколько охотников с прилично навьюченными лошадьми.

Они переходили через горный хребет. Раннее утреннее солнце светило им навстречу. Роза смотрела на Фридриха таким свежим и радостным взглядом своими большими глазами, что это взволновало его. Когда они добрались до вершины, их взору открылась бескрайняя долина, сверкавшая в лучах утреннего солнца.

— Виктория! — воскликнул радостно Леонтин и замахал шляпой. — Нет ничего лучше путешествия, если едешь не просто туда или сюда, а в большой мир, как Богу угодно! Когда леса, горы, цветущие девичьи лица приветствуют нас из светлых замков, ручьи и старые замки, да еще неизвестная кипучая жизнь встречает нас серьезно и весело!

— Путешествие, — сказал Фабер, — можно сравнить с жизнью. Жизнь большинства людей — это бесконечное перемещение от рынка масла до рынка сыра; жизнь поэта есть свободное, бесконечное путешествие в Царство Небесное.

Леонтин, дух противоречия которого всегда неудержимо возбуждал Фабера, добавил:

— Эти странствующие поэты могут быть уподоблены райским птицам, которые ошибочно полагают, что у них нет ног. Им тоже приходится спускаться и ходить по тавернам, навещать двоюродных братьев и родственников, и что бы они себе ни представляли, но дама в светлом замке — это всего лишь глупый ребенок, в лучшем случае влюбленный, который любит любовь с ее маленькими вспышками, при которых можно взлететь в воздух, чтобы потом снова упасть на землю и стать еще более несчастным, как лишенная воздуха вольтка; в конце концов, в старом красивом, неприступном замке останется только лысый деревенский кавалер и т. д. Все есть создание воображения.

— Не следует так говорить, — вмешался Фридрих. — Если мы наполнены внутренней радостью, которая сияет над миром, как утреннее солнце, и возводит все события, отношения и существа на уровень некоего особого смысла, то это прекрасно. Этот свет и есть истинная божественная благодать, в которой процветают все добродетели и великие мысли, и мир действительно так значителен, молод и прекрасен, каким видит его сам по себе наш разум. Но недовольство, вялость, уныние и все эти разочарования, вот это и есть то, что мы должны стремиться преодолеть молитвой и мужеством, потому что это портит первородную красоту мира.

— Меня это тоже устраивает, — шутливо ответил Леонтин.

— Граф Фридрих, — сказал Фабер, — простодушен в своих размышлениях, простодушен.

— Вы, поэты, — поспешно перебил его Леонтин, — переросли все свое простодушие, и, когда вы читаете свои стихи, вы всегда при этом говорите: «Есть великолепное произведение искусства из моего раннего творчества, есть особенное произведение о патриотизме или чести!»

Фридрих был изумлен тем, что Леонтин так смело и резко высказал то, что было чем-то кощунственным в адрес поэзии, о чем он никогда не позволял себе даже задумываться. Тем временем Роза во время разговора несколько раз зевнула. Фабер заметил это и, поскольку всегда отличался галантностью по отношению к прекрасному полу, предложил рассказать историю для всеобщего развлечения.

— Только не в стихах, — воскликнула Роза, — потому что тогда ты понимаешь все только наполовину.

Итак, они подошли друг к другу ближе так, чтобы Фабер оказался посередине, и тот рассказал следующую историю, пока они медленно продвигались между лесистыми горами:

— Жил-был рыцарь...

— Начинается как в сказке, — перебила его Роза.

Фабер начал снова:

— Жил-был рыцарь, живший глубоко в лесу в своем старом замке. Он одевался строго и проводил время в строгих епитимиях. Ни один человек не посещал благочестивого рыцаря, все тропинки к его замку заросли высокой травой за долгие годы, и только маленький колокольчик, в который он время от времени звонил во время своих молитв, нарушал тишину и звучал эхом далеко в светлые ночи. У рыцаря была маленькая дочь, которая часто его огорчала, потому что у нее был совсем другой нрав, нежели у отца, и все ее устремления были направлены только к мирским вещам. Когда она вечером сидела за прялкой, а он читал ей чудесные истории про святых мучеников из своих старых книг, она всегда думала втайне: «Они, наверное, настоящие дураки», и считала себя гораздо мудрее своего старого отца, верившего во все эти чудеса. Часто, когда отца не было дома, она перелистывала эти книги и подрисовывала изображенным на них святым большие усы.

На этом месте Роза громко расхохоталась.

— Что в этом смешного? — язвительно спросил Леонтин, а Фабер продолжил свой рассказ:

— Она была очень красива и умнее всех прочих детей ее возраста, поэтому она не играла с ними в привычные для детей игры, и все, кто с ней разговаривал, считали ее взрослой, так разумно и искусно она умела изъясняться. При этом она выходила на прогулку в лес и днем и ночью совсем одна, никого не боясь, и всегда смеялась над старым смотрителем замка, который рассказывал ей страшные истории о водяном. Она часто стояла на берегу синей реки в лесу и, громко смеясь, звала: «Водяной, будь моим женихом! Водяной, будь моим женихом!» Когда отец лежал на смертном одре, он позвал к себе дочь и передал ей большое кольцо, которое было сделано из чистого золота и сказал следующие слова: «Это кольцо было изготовлено в стародавние времена искусным мастером. Один из твоих предков получил его как трофей в бою в Палестине. Оно лежало на земле в крови и пыли, но на нем не было ни пятнышка, оно сверкало так ярко, все кони вставали на дыбы, и ни одна лошадь не наступила на него своим копытом. Все матери нашего рода носили это кольцо, и Бог благословлял их на благочестивое семейное положение. Возьми его, надень и смотри на него каждое утро с благими помыслами, его великолепие освежит и укрепит твое сердце. Но если мысли и наклонности твои обратятся ко злу, то великолепие его потускнеет вместе с ясностью твоей души, и оно покажется тебе даже мутным. Носи его на пальце, пока не найдешь добропорядочного человека, ибо мужчина, который его носит, уже не сможет покинуть тебя и станет твоим женихом» — с этими словами ушел из жизни старый рыцарь. Ида (так звали девушку) осталась теперь одна. Ей давно было

страшно и тревожно в старом замке, а так как она нашла теперь в подвалах отца огромные сокровища, то сразу же изменила свой образ жизни.

— Слава богу, — сказала Роза, — потому что она до сих пор была довольно скучной.

Фабер снова продолжил:

— Темные арки, ворота и дворы старого замка были снесены, и вскоре над старыми камнями вырос новый, яркий замок с ослепительно белыми стенами и маленькими забавными башенками, а также был разбит большой красивый сад. Рядом с ним текла Синяя река, росли тысячи высоких цветов, среди них били фонтаны, а по дорожкам ходили ручные олени. Двор замка кишел лошадьми и богато одетыми знатными юношами, которые пели веселые песни своей прекрасной даме. Сама она теперь выросла и стала необыкновенно красивой. Богатые молодые женихи стекались с востока и запада, а улицы, ведущие к замку, заполняли всадники в блестящих доспехах. Это девушке очень нравилось; но, несмотря на то, что ей было приятно внимание мужчин, у нее не возникало желание обменяться кольцами с тем единственным, который мог бы стать ее женихом, ведь даже сама мысль о супружестве вызвала у нее усмешку и ненависть одновременно. «Зачем мне — говорила она себе, — тратить свою прекрасную молодость на роль несчастной скучной матери семейства, вместо того, чтобы быть свободной, как птица в небе». Все мужчины казались ей глупыми, потому что они либо были слишком недалекими, чтобы следить за ее остроумными высказываниями, либо гордились другими вещами, в которых она ничего не смыслила. И вот, в своем ослеплении, она видела себя прекрасной феей среди заколдованных медведей и обезьян, которые должны были танцевать или ждать ее приказаний по кивку головы. Тем временем, кольцо тусклоло день ото дня все больше. Однажды она устроила блестящий банкет. Под великолепным шатром, установленным в саду, молодые рыцари и женщины сели вокруг стола, а между ними посередине восседала гордая молодая дама, как королева, и ее остроумные высказывания затмевали великолепие жемчуга и драгоценных камней, которые украшали ее шею и грудь. Она была необыкновенно хороша, прямо-таки, как яблоко с червоточинкой: прекрасна и обманчива. Золотое вино кружило всем головы, рыцари выглядели более смелыми, песни становились все более соблазнительными, кружась по летнему воздуху сада. И тут взгляд Иды случайно упал на ее кольцо. Внезапно оно потемнело, и его угасающее сияние бросило на нее странный, затухающий взгляд. Она быстро встала и подошла к границе сада, которая располагалась прямо над обрывом. «Ты, глупый камень, больше не будешь меня беспокоить!» — сказала она, высокомерно смеясь, сняла кольцо с пальца и бросила его в реку, протекавшую внизу. Пролетая, кольцо сделало яркую, мерцающую дугу и тут же нырнуло в глубокую пропасть. Затем она вернулась в сад, из которого доносились сладостные соблазнительные звуки. На другой день Ида сидела одна в саду и смотрела вниз на реку. Приближалось обеденное время. Все гости уже разъехались. Вокруг царили тишь и духота. Лишь отдельные, неизвестно откуда появившиеся тучки медленно тянулись по темно-голубому небу; иногда налетал внезапный ветер, и, казалось, что старые скалы и старые деревья наклонялись к реке и друг с другом говорили о ней. Иде стало не по себе. И тут она увидела красивого статного рыцаря, который скакал на белоснежной лошади по горной дороге, приближаясь к ее замку. Его доспехи и шлем были голубыми как вода, точно такая же лента трепетала на ветру, его шпоры были из хрусталя. Он дружелюбно поздоровался, спешил к ней. Ида закричала от ужаса, она увидела у него на пальце старинное заколдованное кольцо, которое вчера сама бросила в реку. Она тут же вспомнила слова отца и его пророчество перед смертью. Красивый рыцарь достал жемчужное ожерелье, надел его на шею девушке, поцеловал ее в губы, назвал своей невестой и пообещал, что сегодня же вечером она будет в его доме. Ида ничего не могла ответить, ей казалось, что она спит, но она слышала его слова, вполне дружелюбные, и слышала шум воды, как будто где-то сверху над ней. При этом она видела, как рыцарь снова оседлал коня и скрылся в чаще леса с невероятной скоростью.

Вечером она стояла у окна в своем замке и смотрела на горы, пока их не скрыли серые сумерки. Она все время думала и гадала, кто бы мог быть этот красивый рыцарь, но так и не могла найти ответ. Неизвестные донныне беспокойство и страх овладели ею. Она взяла цитру, чтобы отвлечься. Ей пришла в голову одна старинная песня, которую часто напевал кто-то по ночам, а она слышала ее, когда просыпалась. Она запела:

Хоть солнца свет уже погас
И темнота укрыла нас,
Зато мы петь умеем:
Восславим песнями Творца
Вплоть до рассветного венца,
Нас тьма не одолеет.

Слезы брызнули у нее из глаз, ей пришлось отложить цитру. На душе было невыносимо тяжело. Наконец, когда на улице уже совсем стемнело, она вдруг услышала сильный стук конских копыт и странные голоса. Двор замка был уставлен фонарями, при свете которых она увидела дикое скопище колесниц, лошадей, рыцарей и женщин. Свадебные гости вскоре разошлись по всему замку, и она узнала всех своих знакомых, которые также были с ней на банкете еще вчера. Прекрасный жених, снова весь одетый в голубой шелк, пришел к ней и вскоре обрадовал ее сердце своими смелыми и сладкими речами. Музыканты весело играли, пажы разливали вино, и все танцевали и пировали под радостную музыку.

Во время праздника Ида со своим женихом подошла к открытому окну. Внизу, вокруг замка царила гробовая тишина, только откуда-то из мрачного ущелья слышно было, как журчит река.

— Что это за черные птицы? — спросила Ида. — Те, что сейчас летят огромными стаями так медленно по небу?»

— Они будут лететь всю ночь, — ответил жених, — это твоя свадьба.

— А что там за чужие люди? — снова спросила Ида, — те, что сидят там внизу на камнях у реки и не двигаются?

— Это мои слуги, — сказал жених, — они ждут нас.

Между тем на небе появились уже первые лучи света, издали послышались голоса петухов.

— Становится прохладно, — сказала Ида и закрыла окно.

— В моем доме будет намного холодней — ответил жених. При этих словах Ида непроизвольно вздрогнула.

Затем он схватил ее за руки и присоединился к толпе танцующих. Приближалось утро. Свечи в зале уже догорали, многие уже потухли. Когда Ида кружилась в танце с женихом, она с ужасом заметила, что он становился все бледнее с приближением утра. Снаружи перед окнами она увидела длинных мужчин со странными лицами, которые смотрели в зал. Точно также изменились лица остальных гостей и знакомых, они все больше изменялись и стали походить на мертвецов. «Боже мой, с кем я все это время жила?» — воскликнула она. Она была измотана вконец и не могла освободиться от объятий жениха, который держал ее так крепко, продолжая танцевать, пока она не потеряла сознание.

Рано утром, когда солнышко радостно осветило все горы, дворцовый сад на горе был абсолютно пуст, в замке не было ни одного человека, все окна были распахнуты. Все люди, проезжающие мимо реки при полной луне или после заката, видели посередине потока молодую девушку, по пояс в воде. Она была очень красива, но смертельно бледна.

Фабер завершил свой рассказ.

— Ужасно! — вскричал Леонтин, трясаясь, как от холода.

Роза молчала. Сказка произвела на Фридриха глубокое и совершенно особенное впечатление. Он не мог не думать о Розе со смутным, болезненным чувством на протяжении всего рассказа, и ему казалось, будто сам Фабер не без умысла выбрал эту сказочную историю. Сказка Фабера заставила Фридриха и Леонтина рассказать еще несколько историй, хотя Роза всегда принимала в них лишь косвенное участие. Так и прошел тот день в веселых беседах, прежде чем они заметили, что вечер застал их врасплох посреди леса в неизвестной местности. Поэтому они выбрали первый попавшийся им путь и уже затемно прибыли к деревенскому хутору, одиноко стоявшему в лесу, где и решили переночевать. Хозяйка, молодая, веселая женщина, не знала, что и думать о совершенно неожиданных гостях, и смотрела на них недоверчиво и настороженно. Однако веселые речи и шутки Леонтина и его охотников вскоре привели ее в хорошее расположение духа, и она с радостью приготовила все для их встречи.

После небольшого перекуса Леонтин, Фабер и охотники взяли ружья и пошли в лес на то место, которое услужливая крестьянка указала им, где обычно водилась дичь. Роза боялась остаться одна и поэтому просила Фридриха составить ей компанию, на что он с радостью согласился. Когда все ушли, они оба сели на скамейку у входной двери перед раскинувшимся перед ними широким полукругом леса. Фридрих взял с собой гитару, провел по струнам, взял несколько полных аккордов, которые чудесно прозвучали в широкой, молчаливой ночи. Роза совершенно изменилась в этой необычной обстановке. Она была измучена, и капризы были ни при чем; она просто устала, была необыкновенно доверчива и любезна. Фридрих подумал, что никогда еще не видел ее такой естественной. Он уже давно обещал ей, что расскажет ей всю историю своей юности в подробностях. Теперь она просила его выполнить обещание, пока не вернутся остальные. Он как раз собирался это сделать, и она подсела к нему поближе, оперлась одной рукой на его плечо, и он начал рассказывать свою историю:

— Мои ранние воспоминания теряются в огромном прекрасном саду. Длинные, высокие проходы из прямо подстриженных деревьев тянутся во все стороны между большими цветочными клумбами, фонтаны одиноко шелестят между ними, облака плывут высоко над этими темными коридорами, красивая маленькая девочка, старше меня, сидит у фонтана и поет французские песни, а я часто часами стою у железных решеток садовой калитки, примыкающей к улице, и вижу, как солнечный луч летает над лесами, лугами и повозками, всадниками, пешеходами, которые движутся мимо ворот, теряясь в сияющей дали. И все это тихое время лежит далеко за потоком прожитых с тех пор дней, как древняя, тоскливо-сладкая песня, и когда лишь одна нота ее вновь трогает меня, неописуемое чувство тоски по дому охватывает меня, не только по тем садам и горам, но по гораздо более далекой и глубокой родине, для которой она кажется лишь физическим отражением. О, почему же мы утрачиваем это невинное созерцание мира, эту чудную тоску, это таинственное неописуемое мерцание природы, которое мы лишь иногда видим во сне!

— А что было дальше? — перебила его Роза.

— Своих родителей я никогда не видел, — продолжал Фридрих, — Я жил в замке моего опекуна. Но своего старшего брата я запомнил очень хорошо. Он был красивый, смелый, шумный, при этом упрямый, умный и робкий с людьми. Твой брат Леонтин очень на него похож, поэтому он мне так дорог. Лучше всего я могу представить его, когда вспоминаю одно обстоятельство: наш древний замок был окружен большой каменной галереей. Мы оба сидели там по вечерам, и я до сих пор помню свою собственную дрожь, когда я смотрел вниз, как кроваво-красный вечер погружался за черный лес, а затем мало-помалу все становилось темным. Наша старая няня рассказывала нам тогда, как обычно сказку о ребенке, которому мать отрубила голову ящиком и который, превратившись в красивую птицу, потом пел на деревьях. Рудольф, так звали моего брата, пробегал вокруг каменных перил галереи так, что я не мог отделаться от чувства головокружения — и в этом образе он все еще витает в моем сознании, которое я не могу отделить от сказки, черного леса внизу и странных вечерних огней.

Поскольку он мало учился и еще меньше слушался, с ним обращались холодно и даже плохо. Меня часто ставили ему в пример, и это была самая большая и глубокая боль, которую я испытывал в то время, ибо я любил его невыразимо. Но он мало обращал на это внимания. Красивая девочка-итальянка боялась его всякий раз, когда встречала, и все же казалось, что она всегда искала снова и снова повод с ним увидеться. Однако со мной она была в очень доверительных отношениях, и часто была даже чересчур веселой. Каждое утро, когда была хорошая погода, она выходила вниз, в сад, чтобы умыться в фонтане свои яркие глазки и белую шейку, а я тем временем должен был помочь ей заплести ее косички, которые она затем сплетала в венок и укладывала на макушке. При этом она всегда напевала песенку, которую я до сих пор очень хорошо помню, с ее особенной мелодией:

Между гор, родная матушка моя,
Сквозь дремучий бор,
Скачут три охотника
Да во весь опор,
Матушка родная,
Да во весь опор.

Радуйтесь, родная, матушка моя:
Скоро день уйдет,
Батюшка вернется из лесу домой,
Будет целовать Вас,
Как только захочет, матушка родная,
Как захочет он.

Мне же на кровати
до рассвета спать,
беспрерывно мучаясь,
некому ласкать,
матушка родная, некому ласкать.

Если бы женой я, чьей-нибудь была,
По ночам тогда бы даже не спала,
Целовалась ночью в тишине, как ты,
Матушка родная, сколько бы смогла.

Она напевала песенку с какой-то особой нежностью. Бедная девочка, вероятно, тогда толком не знала, о чем она поет. Но однажды старики, подслушавшие ее слова, очень грубо и резко одернули ее, и с тех пор, помню, ей втайне нравилось петь эту песенку гораздо больше. Так мы жили бок о бок мирно долгое время, и мне никогда не приходило в голову, что когда-нибудь может быть по-другому. Вот только Рудольф становился, чем старше, тем все мрачнее и мрачнее. Примерно в это время мне несколько раз снился один и тот же сон: я всегда видел своего брата Рудольфа в доспехах — как тот, что на картине старого рыцаря в нашей прихожей — идущим через море огромных, вздымающихся облаков, двигаясь вправо и влево с длинным мечом в руке. Всякий раз, когда он касался облаков своим мечом, вспыхивало множество искр, которые ослепляли меня своим разноцветным светом, и при каждом таком сия-

нии лицо Рудольфа совершенно менялось. Когда я действительно был поглощен облаками, я с удивлением замечал, что на самом деле это были не облака, они все постепенно превращались в длинный темный горный хребет странной формы, который заставлял меня содрогаться. Я даже не мог понять, как я не боялся Рудольфа в таком одиночестве. На склоне гор я увидел обширный пейзаж: неописуемую красоту и чудесные переливы красок, которые я никогда не забуду. Большой ручей бежал через середину ландшафта в бескрайнюю, благоухающую даль, где он как будто растворялся в песне. На нежном зеленом холме над рекой сидела Анжелина, та самая девочка- итальянка, и, к моему удивлению, своим розовым пальчиком чертила радугу на голубом небе. Между тем, я увидел, что горы начали чудесным образом двигаться: деревья вытягивали длинные руки, которые переплетались друг с другом, как змеи, скалы вытягивались в огромные фигуры драконов, другие представляли в виде лиц с длинными носами, вся красивая местность была окутана дымящимся туманом. Рудольф, просунув голову между каменными плитами, казался намного старше и сам был похож на камень; он громко смеялся и жестикулировал. Наконец все смешалось, и я увидел только убегающую Анжелину с испуганным лицом, и ее белое, развевающееся платье, проплывающее, как картина за серой занавеской. Каждый раз меня одолевал сильный страх, и я просыпался в шоке и ужасе. Эти сны, как я уже сказал, неоднократно повторялись, и оказывали на мою детскую душу такое глубокое неизгладимое впечатление, что я стал втайне относиться ко всему с известной долей страха, и образ гористого хребта я уже никогда не мог забыть.

Однажды вечером, когда я гулял по саду и смотрел, как вдалеке поднимается с гор ветер, я увидел в конце тропинки Рудольфа, идущего ко мне навстречу. Он был еще мрачнее, чем обычно. «Ты видишь вон те горы?» — спросил он, показывая на дальние вершины. «Там находится невообразимо прекрасная страна. Однажды я ее увидел сверху». Он лег на траву и через минуту продолжил: «Ты слышишь, как сейчас откуда-то издалека, из глубокой тишины манят туда ручьи и горные потоки? Если я спущусь вниз, туда, в предгорье, я буду удаляться все дальше и дальше, ты состаришься, замок опустеет, а сад будет стоять одиноким и заброшенным». Мне снова вспомнился мой сон, в котором я уже это видел, и лицо его было таким же, каким я видел его во сне. Меня одолел неведомый мне доселе страх, и я заплакал. «Не ной!» — жестко прикрикнул он и хотел было меня ударить. Но в этот момент прибежала с игрушкой Анжелина и стала вокруг нас прыгать. Рудольф отодвинулся, встал и продолжил опять свой путь по тенистой тропинке сада, огибающей замок. Я заигрался с веселой девочкой на лужайке перед замком и забыл обо всем, что перед этим произошло. Наконец, пришел гофмейстер и отправил нас спать. В детстве я не помню ничего, что было бы мне противнее, чем рано ложиться спать, когда все снаружи еще звенело и гудело, и вся моя душа еще бодрствовала. Этот вечер был особенно красивым и душным. Я беспокойно прилег на кровать. В открытое окно врывались порывы ветра, из глубины сада доносились трели соловья, иногда я слышал голоса под окном, пока, наконец, после некоторого времени не засыпал окончательно. Однажды мне вдруг показалось, что луна очень ярко освещает комнату, мой брат встал с кровати и несколько раз прошелся по комнате, потом склонился над моим изголовьем и поцеловал меня. Больше я ничего не могу вспомнить. На следующее утро я проснулся позже обычного. Я тут же взглянул на кровать брата и не без ужаса обнаружил, что она пуста. Я выбежал в сад. У фонтана сидела Анжелина и горько плакала. Мои опекуны и все прочие домочадцы были в доме. Все были в смятении и расстроенных чувствах. Вскоре я узнал, что Рудольф ночью сбежал. Его искали повсюду, но так и не нашли.

— И больше вы никогда ничего о нем не слышали? — спросила Роза.

— Пришло известие, — продолжал Фридрих, — что он был завербован в вольнонаемники, а позже, что был убит. Но, благодаря позднейшим, обрывистым речам моих приемных родителей, я пришел к уверенности, что он еще жив, но они скрывали это и переставали говорить об этом, как только я входил, и с тех пор я ничего о нем не слышал. Вскоре после

этого Анжелина вместе со своим отцом, который был нашим родственником, покинула замок и вернулась в Италию. Странно, что мне больше никогда не удавалось вспомнить черты этого ребенка. Все, что у меня осталось, это тихий, дружелюбный образ ее и всего того прекрасного времени. На этом страница моего детства оборвалась, и Бог знает, увидимся ли мы когда-нибудь снова. Я был до смерти напуган, я уже не радовался своим игрушкам, сад казался мне невыразимо одиноким. Мне казалось, что я встречу Анжелину или брата за каждым деревом, у каждой арки и научился терпеть день и ночь монотонный плеск фонтана, который лишь еще больше увеличивал печаль и страх. Мне казалось непостижимым, как мои приемные родители могли все это вынести, как будто ничего не произошло и все осталось по-прежнему.

В то время я часто ходил тайно и совсем один в горы, которые Рудольф показал мне тем самым вечером, и я, по-детски вполне полагал, что найду его там снова. Как часто в горах меня охватывал ужас, когда я не успевал до заката оттуда вернуться, а сквозь темно-зеленые своды доносились только удары топоров одиноких лесорубов, а далеко внизу уже появлялись кое-где в деревнях огни, откуда доносился собачий лай. В одной из таких вылазок я, спускаясь вниз, пропустил нужную дорогу и не смог найти ее снова. Уже стемнело, и мой страх усиливался с каждой минутой. Затем я увидел свет где-то сбоку. Я пошел на огонь и пришел к небольшому домику. С опаской заглянул в освещенное окно и увидел семью, мирно сидящую вокруг весело мерцающего очага в уютной комнате. Отец держал в руке книжку и читал. Вокруг него сидели хорошенькие дети и с большим вниманием слушали, подпирая головки руками, а молодая женщина рядом с ними хлопотала по хозяйству и время от времени подкладывала дрова в огонь. Это зрелище снова придало мне смелости. Я зашел в дом. Люди были очень удивлены, увидев меня, ибо они меня хорошо знали и немедленно послали одного из сыновей одеться, чтобы он проводил меня в замок. Но я просил отца семейства продолжить рассказ, так как история показалась мне очень увлекательной. Мой провожатый уже давно стоял у двери, готовый меня сопроводить. Но я все глубже погружался в чудесную историю. Я слушал, затаив дыхание и мог бы просидеть так всю ночь, но отец семейства напомнил мне, что в замке меня ждут и очень беспокоятся, и, что я должен идти. А ведь он читал нам про Зигфрида (скорее всего речь идет о «Песни о нибелунгах» прим. переводчика).

Роза рассмеялась. Фридрих, несколько обескураженный продолжил:

— Я всю ночь не мог заснуть, и все время думал об этой прекрасной истории. С того времени я почти каждый день посещал маленький домик, а добрый отец семейства давал мне с собой книгу, которую я выбирал для чтения. Это все произошло в первые дни весны. Я одиноко сидел в саду и без устали читал «Магелону», «Геновеву», «Дети Эдмона» и многие другие. Моим излюбленным местом для этого времяпрепровождения была крона высокого грушевого дерева, которое росло на самом краю сада, перед обрывом. Оттуда я мог обозревать огромное цветочное море более низких деревьев, которое плескалось внизу, или лежать в объятиях этого дерева и в душные послеобеденные часы наблюдать за темными тучами, которые надвигались на меня со стороны леса.

Роза снова рассмеялась. Фридрих на минуту умолк. Потому что воспоминания из детства становятся тем чувствительнее и застенчивей, чем глубже и непонятнее они становятся, и они боятся взрослых, не по годам развитых людей, уже не умеющих найти дорогу к своим чудесным игрушкам.

Затем он продолжил:

— Я не знаю, играла ли роль в этой истории весна со своими волшебными огнями, или они озаряли весну своим трогательным, чудесным сиянием — но цветы, леса и луга казались мне тогда другими и более прекрасными, как будто эти книги дали мне золотой ключик к чудесным сокровищам и скрытому великолепию природы — никогда я не чувствовал себя таким благостным и счастливым. Даже неуклюжие гравюры по дереву были мне дороги, и даже чрезвычайно ценны. Я до сих пор наслаждаюсь тем, как мне удалось погрузиться в картину,

где рыцарь Петр уезжает от своих родителей, и как я украсил гору на заднем плане замками, лесами, городами, утренним великолепием и морем, состоящим всего из нескольких грубых мазков, а также уплывающих облаков. Да, я искренне верю, что если и должны быть картины в стихах, то это будут самые лучшие картины. Те более тонкие, чистые гравюры с их современными лицами, выполненные до мельчайших штрихов, втиснутые в ограниченные рамки, портят и сковывают всякое воображение, вместо гравюр на дереве с их спутанными линиями и неузнаваемыми лицами, которые открывают воображению новый, безграничный простор, без которого невозможно искусство.

Однако все это прекрасное время длилось недолго. Мой гофмейстер, весьма просвещенный человек, обнаружив мои тайные увлечения, отнял у меня мои любимые книги. Я был безутешен. Но, слава Богу, это произошло слишком поздно. На покрытых лесом горах, среди чудес и героев тех эпох, мое воображение вдохнуло достаточно здорового, свободного воздуха, чтобы отразить натиск совершенно трезвого мира. Этому способствовала библиотека Кампа*. Ведь я оттуда узнал, как сажают горох, как самому сделать навес от дождя, если вдруг окажешься, как Робинзон, на необитаемом острове. Помимо нескольких милых, благородных поступков, некоторой родительской любви и детской любви в шарадах, среди этой педагогической фабрики трогательно и заманчиво поразили меня несколько песенок Матиаса Клаудиуса*. Они смотрели на меня в моем прозаическом унынии простыми, серьезными, верными глазами, как будто хотели сказать дружелюбно, утешительно: «Пусть малыши приходят ко мне!» Эти цветы сделали бесцветную, без запаха, не возделанную почву, в которую их пересадили, как ни странно, моей родиной. Помню, в это время у меня в саду были разные места, которые я представлял себе то Гамбургом, то Брауншвейгом, то Вандсбеком. Поэтому я спешил от одного к другому и всегда передавал приветы доброму Клавдию, с которым мне особенно приятно было долго беседовать. В то время моим самым большим, самым горячим желанием было увидеть его хоть раз в жизни*. Но вскоре новая эпоха, решающая для всей моей жизни, положила конец всем прежним играм. Мой наставник стал каждое воскресенье читать мне «Страсти Иисуса». Я слушал очень внимательно. Но вскоре мне надоело слушать раздробленное, постоянно прерываемое чтение. Я взял книгу и стал читать ее сам. Я не могу описать словами, что я в тот момент чувствовал. Я искренне рыдал, все мое существо ощущало эту вселенскую боль, и я не мог понять, почему мой воспитатель и люди в замке, которые все это читали и знали, могут так спокойно жить, как ни в чем не бывало.

Тут Фридрих прервал рассказ, так как заметил, что Роза почти заснула. Какое-то болезненное отвращение при взгляде на нее перевернуло все в душе. «Что я тут делаю — спросил он себя самого в тишине, — где мои надежды и мои чаяния, которые так переполняли душу, когда я отправлялся странствовать? Зачем я трачу лучшие годы своей жизни на бесцельные никчемные прогулки и не занимаюсь поистине важным делом? Этот Леонтин, Фабер и Роза останутся вечно чужими для меня. И с этими людьми путешествуют мои истинные мысли, чувства, словно немец по Франции. Сломаны ли твои крылья, добрый, мужественный дух, всмотревшийся в мир, как в свое нерожденное царство? Глазу достаточно видеть большой мир, и теперь он в состоянии закрыть и даже раздавить маленькую руку девушки?»

Впечатление, которое произвел на него смех Розы во время его рассказа, еще не прошло. Она заснула, откинувшись навзничь, опершись на руку, ее грудь, на которую упали темные кудри, тихо поднималась и опускалась в такт дыханию. Так она отдыхала рядом с ним и была неопишимо красива. Он встал и начал играть на гитаре:

Я воспевал стихами
И доблесть, и любовь,
Все лучшее меж нами,
То, что волнует кровь.

Что сердце истомило,
О чем молчалось мне,
Все, что душа хранила
В сердечной глубине

Понять мои порывы
Любимой невдомек,
Ей по сердцу смазливый
Обычный паренек.

Моей душой играла
С беспечностью она,
И мне понятно стало —
Что ей не нужен я.

Как путь житейский сложен,
Кому мне верить впредь?
Она понять не сможет...
Мне легче умереть.

Роза открыла глаза, так как послышался звук рога в долине и голоса Леонтина и охотников, которые возвращались с прогулки и громко перекликались в лесу. Они возвращались без добычи и в высшей степени устали. Хозяйка начала тут же суетиться, чтобы показать каждому, где кому спать, насколько позволяли тамошние условия. Со всех возможных мест принесли солому и расстелили в комнате, которая, конечно, предназначалась для Розы, Леонтина, Фридриха и Фабера. Остальные укладывались, где придется в доме. Поскольку все участвовали в приготовлениях, то все происходило суматошно. Но особенно необыкновенно буйной была маленькая Мари, за которую пили охотники. Все по привычке относились к ней как к полу-взрослому ребенку, ловили ее и целовали. Но Фридрих видел, что она искусственно сопротивлялась, чтобы ее держали все крепче и крепче, и что ее поцелуи уже не были детскими. Мистеру Фаберу сегодня с ней было особенно комфортно, и Фридриху показалось, что он заметил, что она несколько раз говорила с ним украдкой и, как бы, между прочим. Наконец все постепенно успокоились, и господа остались одни в комнате. Фабер сказал, что его голова была настолько полна хороших мыслей, что он теперь не может уснуть. Погода такая хорошая, а в комнате так душно, что ему хочется провести ночь на улице. На этом он попрощался и вышел. Леонтин весело смеялся ему вслед. Тем временем Роза была в плохом настроении. Комната была для нее слишком грязной и узкой, а солома слишком жесткой. Она заявила, что не может так спать, и обиженно села на скамейку. Леонтин, не говоря ни слова, бросился на солому и тотчас же заснул. Усталость Розы наконец победила ее упрямство. Она оставила свою твердую скамейку, посмеялась над собой и легла рядом с братом. Фридрих долго не спал, подперев голову рукой. Луна светила в маленькое окошко, настенные часы монотонно тикали. Затем он вдруг услышал, как кто-то пел снаружи:

Что из перин пуховых

тебя на двор влечет?
И музыка... и слово...
Спи, что ж тебе еще?

И музыке, и слову
Ты веришь горячо,
Извечных чувств основам...
Спи, что ж тебе еще?

Извечных чувств основам
Преграды нипочем,
Им не страшны оковы,
Спи, что ж тебе еще?

Им не страшны оковы,
И холод ни при чем,
Любви я жажду зова,
Спи, что ж тебе еще?

Любви я жажду зова,
Под звездным жду плащом;
А, если не готова,
Спи, что ж тебе еще?

Фридрих не мог узнать голос, так как исполнитель усердно старался изменить собственный тембр голоса. Каждый раз это произносилось с особенно забавным выражением: «Спи, чего тебе еще надо?» Он вскочил и подошел к окну, однако успел разглядеть только темную тень, быстро бегущую по залитой лунным светом площадке перед домом и исчезающую между деревьями. Он долго еще прислушивался. Но всю оставшуюся ночь все было тихо.

Примечания переводчика:

— Иоахим Генрих Кампе (1746 — 1918), впоследствии известный педагог и лингвист, воспитатель братьев Гумбольд.

— Матиас Клаудиус (1740- 1815) немецкий писатель и журналист.

— В 1805 братья Эйхендорф навестили старого Клаудиуса в Вандсбеке.

Глава 6

Утром охотничий рог разбудил путешественников. Леонтин бодро спрыгнул с лежанки. Роза тоже встала. Солнце светило через окно прямо ей в лицо. Ее локоны после сна были в беспорядке. Но она была такой цветущей и очаровательной, что Фридрих не удержался и поцеловал ее в губы. Все начали весело собираться в дорогу, но потом вдруг обнаружили, что Фабера на месте нет.

Как мы уже знаем, вечером он куда-то ушел, и после этого уже не вернулся. Леонтин поинтересовался у охотников, и ко всеобщему удивлению они рассказали следующее. Еще перед рассветом, когда они вышли на улицу, чтобы посмотреть на лошадей, они услышали, как кто-то высоко над ними, словно откуда-то с небес, неоднократно звал на помощь. Они оглянулись и с изумлением увидели, наконец, мистера Фабера, который сидел на крыше дома у плотно закрытого мансардного окна, ругаясь и размахивая обеими руками, как ветряная мельница. Они, по его просьбе, подставили ему лестницу, которая лежала на земле возле дома, и таким образом помогли ему сойти с его веселого трона. Но он потребовал, как только спустился, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, свою лошадь и дорожную сумку. Поскольку он казался очень возбужденным и странным, они сделали то, что он просил. Когда он сел на лошадь, он только сказал им: «Передайте мои наилучшие пожелания своему хозяину, чужому графу и графине Розе, и поблагодарите их за многолетнюю дружбу от моего имени; он же своей стороны отправляется в резиденцию, где надеется рано или поздно снова с ними встретиться». Затем он прищепил лошадь и помчался в лес.

— Будь здоров, добрый беспокойный друг! — выкрикнул Леонтин, — я, действительно, всем сердцем сожалею, что так получилось, ведь я так привязался к этому удивительному человеку. Счастливо тебе добраться, Бог даст, скоро мы снова встретимся!

— Аминь! — воскликнула Роза, — но скажите, ради Бога, кто загнал его на крышу, и, в конце концов, заставил так внезапно покинуть нас?

Никто не мог разгадать эту загадку. Но маленькая Мари не переставала все это время таинственно усмехаться. Фридрих вспомнил вчерашнюю странную песенку, которую слышал, глядя в окно и, сопоставляя все это, начал кое-что понимать. Видимо, Мари назначила Фаберу тайное свидание в комнатке на чердаке, где она собиралась лечь спать. Но хитрая девчонка, вместо того, чтобы сдержать свое слово, заперла чердачное окно изнутри и, прежде чем Фабер так искусно ускользнул от них, ушла в лес, где дождалась, пока влюбленный, как условлено, не поднялся наверх. Тогда она быстро выскочила на улицу, убрала лестницу от окна, чтоб он не смог спуститься вниз и спела ему смешную серенаду, которую вчера подслушал Фридрих, в то время как Фабер, молчавший от гнева и стыда, висел между небом и землей. Леонтин и Роза долго смеялись, считая случай чрезвычайно забавным. Но Фридрих думал иначе и возмущенно качал головой, порицая в душе поступок юной четырнадцатилетней девушки.

Итак, они продолжили свое путешествие без Фабера. Утро было радостным, местность великолепная; однако, несмотря на это они не смогли на этот раз как ни в чем ни бывало вести непринужденные разговоры. Отсутствие Фабера почувствовали все, особенно Леонтин, которому необходима была мишень для его остроумия. Фабер для этого был просто незаменим. Он сам не был лишен юмора, и в то же время умел парировать и понимать шутки Леонтина. Поэтому Фридрих называл все разговоры Леонтина и Фабера эгоистическими монологами, в которых каждый слышал только себя, вместо того, чтобы в каждой беседе постараться услышать другого. Роза расстраивалась больше всех. Она представляла себе поездку совершенно другой, особенной, с необыкновенными приключениями, а так как их не было, новизна пропала, то и блеск в ее глазах потух. Постепенно она стала замечать, что ей вообще-то не подобает бродить по миру в компании мужчин, и у нее больше не было ни покоя, ни интереса к бесконеч-

ным, скучным камням и деревьям. Итак, они подошли к зеленому месту на вершине холма и решили дожидаться полудня. Кругом были невысокие горы, покрытые черным лесом, но с одной стороны открывался широкий вид на равнину, где виднелись голубые башни какой-то резиденции, раскинувшейся в сверкающей долине. Припасы, которые они взяли с собой, были уже распакованы, посреди луга был поставлен небольшой полевой столик, и все уселись вокруг него на лужайке и приступили к трапезе. Роза не поддержала компанию, и, к большому неудовольствию Леонтина, села в сторонку, вытащила вязание, и занялась рукоделием, пока наконец не заснула. Поэтому Фридрих и Леонтин взяли свои ружья и пошли в лес стрелять птиц. Веселые, разноцветные певчие птицы, перелетающие перед ними с одной верхушки дерева на другую, заманивали их все дальше и дальше в лес, так что они не скоро вернулись в лагерь. Их встретил Эрвин и с довольной физиономией радостно сообщил, что Розы в лагере нет. Мальчик поведал, что в их отсутствие по дороге проезжала карета, которая остановилась и из нее вышла молодая красивая дама. Она подошла к графине Розе. Они долго и оживленно о чем-то разговаривали. Потом дама пригласила графиню поехать вместе с ней. Роза сначала не соглашалась, но дама погладила ее по голове, поцеловала и чуть ли не силой посадила ее в карету. Маленькая Мари поехала вместе с ними в ту резиденцию, которая располагалась в долине. Фридрих почувствовал себя уязвленным, оскорбленным до глубины души, услышав о том, с какой легкостью Роза покинула его. Когда они подошли к походному столику на лужайке, они нашли небольшой клочок бумаги, на котором карандашом было написано: *Графиня Романа*.

— Я сразу об этом подумал, — воскликнул Леонтин, — это в ее духе.

— Кто эта дама? — спросил Фридрих.

— Одна молодая богатая вдова, которая не знает, что делать со своей красотой и своей душой. Подруга моей сестры, она играет с ней, как хочет. Это сногшибательная гениальность, которая портит мужчин.

При этом он сердито прикрикнул на охотников, которые уже расседлали лошадей, и приказал им возвращаться в свой замок, чтобы продолжить путешествие в сопровождении Фридриха и Эрвина.

Егеря уехали, а оба графа остались одни на зеленой лужайке, на которой стало сразу как-то тихо и пусто. Тут примчался Эрвин и сказал, что карету еще видно вдаль. Они посмотрели вниз и увидели, как по блистающей равнине удалялась карета, пока не скрылась между цветущих холмов и садов, исчезнув в надвигающихся вечерних сумерках. С другой стороны, до них доносились звуки охотничьих рогов, возвращающихся домой охотников.

— Видишь, — сказал Леонтин, — те темные башни резиденции, что высятся как надгробия угасшего дня. Но люди там, среди которых сейчас находится Роза, совсем другие. На них не распространяется благочестие и простота. Я бы хотел лучше видеть ее мертвой, чем в такой компании. Мне кажется, будто она залезла в большую пышную могилу, как невеста смерти, а мы отвернулись от нее предательски ипустили ее.

Леонтин ударил по струнам гитары и спел коротенькую песенку про ясное утро. Затем они оба сели на лошадей и поехали в горы. Побродив несколько дней и осмотрев самые странные места в горах, однажды вечером они в темноте прибыли в деревню, где остановились на маленьком постоялом дворе. Но там было пусто, и только от старухи, сидевшей в комнате, они узнали, что местный арендатор дает сегодня бал в своей усадьбе, и что все домочадцы пошли туда, чтобы посмотреть на праздник. Поскольку время для сна еще не наступило, да и ночь выдалась красивая, оба графа решили прогуляться. Они пересекли всю деревню и вскоре оказались на другом ее конце рядом с садом, за которым располагалось жилище арендатора, из освещенных окон которого до них доносились звуки танцевальной музыки. Леонтин, которому это неожиданное обстоятельство вернуло веселое настроение, тут же перемахнул через садовый забор и уговорил Фридриха сделать то же самое. В саду было абсолютно тихо, они прошли по каким-то тропинкам к жилому дому. Окна комнаты, в которой танцевали гости, выходили

как раз в сад, но они были высоко, на втором этаже. Огромное густолиственное дерево росло прямо перед домом, доставая ветвями до открытого окна.

— Дерево — это настоящая лестница, — сказал Леонтин и через мгновение был уже наверху.

— Подслушивание, — сказал Фридрих, — особенно счастливых на свидании людей, всегда пахнет чем-то нехорошим.

— Если ты будешь и дальше тянуть резину, — крикнул сверху Леонтин, — я начну так кричать, что все сбегутся и поймают нас, как дураков, или хорошенько поколотят.

Входная дверь внизу действительно скрипнула, и Фридрих тоже поспешно забрался наверх и уселся на ветку. Оттуда сверху, из густой кроны дерева они могли обозреть все собравшееся в доме общество. В эту минуту объявили вальс и пары одна за другой пролетали, кружась, мимо окна. Молодые, стройные сыновья хозяев, в строгих и наглухо застегнутых фраках, смело кружились в танце с порядочными девушками, покрасневшими от здоровья и радости. То и дело счастливые, толстые лица двигались, как полные луны, по этому звездному небу. Посреди толпы танцевала худощавая фигура, словно сатир, выделявая самые замысловатые гипертрофированные повороты и прыжки, как будто желая соединить все, что было наигранным, смешным и отвратительным, в каждом отдельном человеке общества в одну общую карикатуру. Вскоре после этого можно было увидеть его играющим на скрипке среди музыкантов.

— Это, в высшей степени, странная личность, — сказал Леонтин и отвел от него взгляд.

— Какое-то странное чувство, — ответил через некоторое время Фридрих, — из огромного, тихого одиночества вдруг вглядываться в красочную радость людей, не зная их внутренней связи, вот они кланяются друг другу, как марионетки, сгибаются, смеются и шевелят губами, и мы не слышим, что они говорят.

— О, я не мог бы желать представления более ужасного и одновременно смешного, чем игра этих музыкантов, — сказал Леонтин, — которые играют с таким энтузиазмом даже самые сложные пассажи, и этот зал, полный танцоров... а я не слышу ни звука.

— А разве ты не каждый день видишь подобное зрелище? — спросил Фридрих. — Разве все люди не жестикулируют, не мучаются и не борются за то, чтобы внешне оформить ту своеобразную основную мелодию, которая дана каждому в самой глубине души и, которую одни люди могут выразить больше, другие меньше, и никто не может выразить вполне так, как он задумал? Как мало мы понимаем суть поступков, и даже слов человека!

— Да если бы у них внутри была музыка! — Леонтин прервал его со смехом. — А ведь большинство людей действительно серьезно тыкают пальцами по деревяшке без струн, потому что так положено, и надо играть, глядя на лист с нотами; но смысл, ради которого это делается, значение его для жизни вообще одуревшие музыканты забыли или утратили.

В этот момент к окну подлетела новая пара, все почтительно расступились, освободив для них место, и они увидели красивую девушку, выделявшуюся среди всех своей скромностью. Улыбаясь, она прислонилась нежной, сияющей щекой к оконному стеклу, чтобы охладить ее. Она даже открыла окно, деликатно разделила на пробор волосы, в которые был вплетен венок из роз, и долго смотрела в ночь, как бы задумавшись. Леонтин и Фридрих были так близко к ней, что могли слышать ее дыхание; ее тихие, большие глаза, во влажном зеркале которых отражалась луна, смотрели прямо на них. «Где девушка?» — внезапно раздался чей-то голос, девушка обернулась и затерялась в толпе.

Леонтин сказал:

— Мне хотелось бы трясти дерево, чтобы оно дрожало от радости до самых корней, мне хотелось бы прыгнуть в открытое окно и танцевать, пока не взойдет солнце, мне хотелось бы слететь с дерева, и как птица парить над горами и лесами!

Эти восклицания прервали два пожилых господина, высунувшись из окна. Разговор их, такой же спокойный, как и лица, протекал монотонным потоком и касался последних полити-

ческих событий того времени, от которых они вскоре отвлеклись и обратили свое внимание на хозяйственные темы, а молнии, сверкавшие где-то очень далеко в безоблачном небе, предсказывали благоприятную погоду для сбора урожая.

Тем временем музыка прекратилась, и комната наверху опустела. Было слышно, как хлопала входная дверь, и люди группами выходили в сад погулять при свете луны. Два пожилых господина тоже отошли от окна. Тут прямо под дерево подошла молодая пара, отделившись от всех.

— Господи, помоги нам, — сказал Леонтин, — это влюбленные; они идут на цыпочках так, словно хотят взлететь, но не могут.

Между тем парочка подошла так близко, что было отчетливо слышно, о чем они говорили.

— Вы читали новое произведение Лафонтена? — спросил молодой человек.

— Да, — ответила девушка с неким деревенским говорком, — я читала его, мой благородный друг! И при этом меня душили слезы, как и любого чувствующего человека на моем месте. Я так рада, — продолжала она после небольшой паузы, — что мы вырвались из толпы этих шумных бесчувственных людей; эти шумные удовольствия не доставляют мне удовольствие. Это не для души.

Он:

— О, я узнаю прекрасную душу! Но Вы не должны так сильно предаваться сладкой меланхолии, благородные чувства зачастую чересчур захватывают человека.

— Она выглядит вполне готовой к нападению, — прошептал Фридрих.

— Она уже это делает, — добавил Леонтин.

Он:

— Ах, через несколько часов неумолимая судьба снова нас разлучит. Горы и долины будут разделять разбитые сердца.

Она:

— Да. И через долину проляжет грязная и почти непроходимая дорога.

Он:

— Да, а у моей новой красивой кареты, как назло, сломалось колесо. Давай будем наслаждаться красивой природой. На ее груди так тепло.

Она:

— О, да.

Он:

— И дело вовсе не в одиночестве нежного, переполненного сердца. Ах! Грубые люди меня не понимают вовсе!

Она:

— Вот также и вы, мой благородный друг, единственный человек, который понимает меня. Я давно втайне восхищаюсь вами, — как бы это правильно выразить? — Вашим благородным характером, Вашей чувствительностью.

— Вы хотели сказать «чувствами», — перебил он ее и с тщеславной важностью расправил плечи.

— О, Боже! — прошептал Леонтин, — у меня уже руки чешутся отлупить этого типа. Между тем, влюбленные обнялись и уставились на луну.

— Беседы прекратились, — сказал Леонтин и добавил, — шутка на убывающей луне.

Но к его удивлению, влюбленный снова заговорил:

— О, святая меланхолия! Ты симпатическая гармония двух родственных душ! Наша любовь такая же чистая, как луна на небе!

При этом он начал быстро и напористо развязывать бант на груди девушки, которая особенно-то и не сопротивлялась.

— Ну, — сказал Леонтин, — вот они и вернулись к своей истинной природе, а лукавый украл всю поэзию.

— Да ведь это прожженный негодяй! — воскликнул Фридрих и начал громко петь, сидя на дереве.

Влюбленные от испуга стали озиаться по сторонам и бросились наутек. Леонтин, смеясь, прыгнул с дерева позади них, удвоив их страх и бегство. Наши путешественники обнаружили себя, и им ничего не оставалось, как найти умный и удобный выход к отступлению. Они пошли по пустынным аллеям сада мимо гуляющих гостей, которые либо принимали их за гостей, либо вовсе не обращали на них внимания, тем более, что темнота их спасала. Почти у выхода, на повороте одной из дорожек перед ними остановилась та самая прекрасная незнакомка в сопровождении неизвестных. Лунный свет струился прямо в просвет деревьев и осветил обоих красивых мужчин. Девушка в некотором смятии остановилась. Мужчины учтиво приветствовали ее. Она ответила на приветствие низким изящным поклоном и быстро пошла дальше. Но оба графа заметили, как, на некотором отдалении, она снова оглянулась.

Они вернулись снова на постоялый двор, где их ожидал прекрасный ночлег. Леонтин, погруженный в собственные мысли, молчал весь обратный путь, что было на него не похоже. Фридрих встал у открытого окна, из которого хорошо была видна деревня и усыпанное звездами небо, прочитал молитву и лег спать. А Леонтин взял гитару и медленно пошел через ночную деревню. Через некоторое время он снова оказался в саду. К тому времени там было уже пусто и царила мертвая тишина. В доме арендатора погасли все огни и было тоже тихо. Приятный ветер шелестел в ветвях осиротевшего сада, кое-где доносился издалика через широкое поле лай собак. Леонтин примостился на садовый забор и запел:

После веселого бала,
В зале погасли огни,
Звездным плащом засверкало,
Небо до светлой зари.

Все разбрелись по жилищам,
Время пришло отдыхать,
Ты у окна, словно ищешь
Того, кого хочешь позвать.

Сердце мое так и рвется
Наружу к тебе из груди,
То ль плачет оно, то ль смеется,
Что ждет нас еще впереди?

Едва лишь рассвет заалееет,
Окрасив речную волну,
Зальются соловушки трелью
И душу мою всколыхнут

К лицу тебе алые розы,
И взгляд дружелюбный такой,

К чему эти бледность и слезы,
Зачем изводиться тоской?

Отбрось эти грустные думы,
Пора про печали забыть,
Признаюсь, как неодолимо
Любимым твоим хочу быть.

Прекрасная девушка провела в доме арендатора всю ночь. Она стояла полураздетая у открытого окна, которое выходило в сад.

— Кем все же эти два незнакомца могли быть? — прикидываясь равнодушной, спросила она у служанки.

— Я не знаю, но могу узнать уже сегодня на постоялом дворе.

— Ради Бога, не делай этого, — испуганно произнесла девушка, крепко схватив служанку за руку.

— Завтра будет поздно. Когда рассветет, они давно скроются уже за горами.

— Я хочу спать, — сказала девушка, погруженная в свои мысли.

«Как это получается — я так сегодня устала и в то же время я бодра». Она дала себя раздеть и легла спать. Но она не уснула, ведь окно было открыто и соблазнительные песни Леонтина всю ночь проникали в спальню девушки, как будто по невидимой золотой лестнице.

Глава 7

Утром дева умывала
Глазки влагой ключевой,
В косы светлые вплетала
Лучик солнца золотой.

Пташки разные встречали
Пробуждение земли,
А над садом проплывали
Тучки, словно корабли.

И она заре навстречу
Потянулась после сна,
Косы ей легли на плечи,
И запела песнь она:

А меня, как птичку эту
За собой любовь зовет,
Манит к солнечному свету,
В мир, где милый меня ждет!

Утреннее солнце застало наших путешественников в седле. Деревня, в которой они переночевали, осталась далеко позади. Уже на постоялом дворе Леонтин узнал, что красивая девушка, которую он встретил, дочь весьма богатого аристократа, с которым он был знаком и состоял в приятельских отношениях. Ближе к вечеру друзья увидели замок господина фон А., который дружелюбно выглядел, возвышаясь над зеленым хаосом садов и высоченных деревьев. Они медленно ехали вдоль полей, засеянных злаками. Солнце, которое уже клонилось к закату, бросало свои косые лучи на поверхность поля и весело играло на склонившихся колосьях. Радостное пение и шум привлекли внимание обоих всадников. На небольшом отдалении от дороги они увидели широкое поле, на котором как раз шел сбор урожая. Длинный ряд работников весело копошился на поле, громкие окрики надсмотрщика вклинивались в общий гвалт, и доверху груженные телеги, медленно и поскрипывая, отправлялись в сторону деревни. Поодаль от этой сутолоки была видна пестрая группа почтенных людей, которая расположилась небольшим лагерем и наблюдала за работниками. Среди них Леонтин снова узнал ту красивую девушку. В этой группе выделялась в высшей степени странная худая фигура в длинном белом плаще верхом на белом коне, который свесил голову до земли. Эта странная фигура, восседая на своем Росинанте, раздавала крестьянам приказы тоном проповеди, за которой всегда следовал взрыв смеха.

Леонтин и Фридрих не сомневались, что зрителями были господа этой местности, а, так как их уже заметили, они передали лошадей Эрвину и направились напрямик к обществу, чтобы представиться.

Господин фон А. и его сестра, которая после смерти мужа переехала к своему брату, сразу же вспомнили о прежних дружественных отношениях между двумя домами и выразили

свою искреннюю радость, приглашая Леонтина и его друга в свой замок. Девушка при этом сидела молча и все гуще краснела, она ведь их сразу узнала. Рядом с ней стоял довольно молодой бледный человек, в котором оба узнали того самого неистового танцора, который к тому же еще и музицировал. Его бросающиеся в глаза черты лица врезались в память Леонтина. Но сегодня в нем невозможно было узнать вчерашнего парня, он казался совсем другим человеком. Он смотрел просто, тихо и печально и очень смущался при разговоре. Он был теологом, который по причине своей бедности, не мог продолжить занятия, а в замке господина фон А. он получал содержание, обрел друзей и родину, вдобавок он руководил в этой местности школьным делом. Рыцарь Печального образа напротив, так странно выглядел на своем белом коне во время приема и первого разговора, что Леонтин не мог отвести от него взгляда. Каждый, крестьянин, проходивший мимо него, благословлял фигуру хорошей шуткой, хотя он всегда энергично защищался. Леонтину с большим трудом удалось не вмешаться, хорошо, что тётя, наконец, попросила всех отправиться домой, и все разошлись. Странная фигура помчалась вперед галопом. Он нещадно бил клячу обеими ногами по ребрам, и вся его белая одежда шуршала, развеваясь на ветру. Все фермеры кричали ему вслед «УРА!» Господин фон А, заметивший удивление обоих гостей, сказал со смехом:

— Это бедный дворянин, живущий на милости судьбы, странствующий рыцарь, который переезжает из замка в замок и особенно часто навещает нас, придворный шут для каждого, кто его увидит и сможет вынести, наполовину глупый, наполовину умный.

Когда они шли через деревню, их сердечно приветствовали жители, не только подбрасывая вверх шляпы, но и сопровождая эти действия дружелюбными возгласами и взглядами, которые говорили о добрых и дружественных отношениях между хозяином и его крестьянами. Наконец, они вошли в замок, во дворе которого царила такая же веселая и простая суэта. Все были заняты своим делом, так мило и по-хозяйски рачительно, что говорило в пользу хозяйки. Фридрих высказал свои наблюдения вслух, что очень польстило тетушке. Она не могла скрыть своей радости по этому поводу, ощущая какое-то утешение в домашней обстановке и удовольствиях от земледелия. Замок был новый, очень веселый, светлый и приятный. Обстановка в уютных комнатах не была выдержана в каком-то одном стиле, особого отбора не было, все выглядело так, будто все вещи из разных давно минувших времен. Стол в большой, просторной столовой был накрыт, и вскоре все радостно сели ужинать. Поначалу разговор не клеился, был косным и вымученным, как это всегда бывает в таких домах, где из-за отсутствия контакта с внешним миром укоренился некий устойчивый, неизменный образ жизни, для которого внезапное вторжение совершенно незнакомых людей, не только ничего не меняет, но скорее расстраивает их привычную монотонность. Господин фон А., высокий, серьезный человек, фактически настоящий педант, говорил мало. Его сестра, напротив, говорила много. Она была живая, деятельная женщина, достигшая, как говорится, лучшего периода жизни, а на самом деле худшего, так как ее фигура и черты когда-то прекрасного лица уже начинали приходить в упадок, если так можно выразиться. В это время опасного солнцеворота жизни красота становится угрюмой, ссорясь со своим земным престолом, где она правила полжизни, а теперь вынуждена вступать в тоскливое, безрадостное будущее, как будто сходит в могилу. Блаженны те редкие, великие женщины, которые не упустили время, а построили для себя иной мир религии и мягкости в спокойном средоточии духа! Они будут всегда на троне, будут вечно любить и будут любимыми вечно.

Речь за столом зашла о воспитании детей, излюбленная тема всех женщин, на которую они больше всего любят поговорить, и в которой меньше всего разбираются. Тетя, которая только и искала случая проявить себя перед двумя незнакомцами, говорила об этом обычным тоном в духе просвещения, образования, обычаев и т. д. Однако, к несчастью для нее, в дело вмешался странствующий рыцарь, который до этого всей душой и телом отдавался поглощению пищи. Он включился в разговор как раз в тот момент, когда она чувствовала себя на вер-

пине удовольствия от собственных высказываний. Он вклинился в ее тираду в высшей степени с комическими истинами, которые он выражал так необычно и эксцентрично, что Фридрих и Леонтин не знали, следует ли им больше изумляться остроте его ума или его безумию. Леонтин злорадно расхохотался. Тетушка, которая не располагала таким разнообразием идей, чтобы оценить по достоинству его чудачества, окинула его возмущенным взглядом, после чего он стал защищаться с философской напыщенностью, неся чушь и, наконец, сам глупо рассмеялся. Она проиграла; ведь оба гостя, в особенности Леонтин, почувствовали некую симпатию к загадочному странствующему рыцарю.

Когда ужин закончился, Юлия должна была продемонстрировать свое умение игры на фортепиано, которому она отдавала много времени. Во время ее игры тетушка отвела Фридриха в сторонку и стала ему жаловаться, как ей жаль, что ее племянницу вовремя не отправили в резиденцию, где девушкам в специальных заведениях преподают правила хорошего тона, необходимые во взрослой жизни. Фридрих ответил ей, что придерживается иного мнения, и, что молодой девушке больше подходит жизнь вдали от светских развлечений.

— В этих знаменитых институтах детские особенности каждой девочки лишь обобщаются и искажаются тщеславием и безнадежным пристрастием к подражанию. Бедная душа становится наглой и копирует модель, которая должна подходить всем, пока, в конце концов, не остается ничего, кроме пустой модели. Уверяю вас, что всех девушек из таких заведений я сразу узнаю по их благовоспитанности, и когда я обращаюсь к ним, то заранее знаю, что они мне ответят, какую шутку они отпустят, какими будут их маленькие капризы и т. д.

Тетушка засмеялась, на самом деле не понимая, что Фридрих имел в виду под всем этим.

Между тем, девушка запела народную песню. Тетушка перебила ее и стала уговаривать спеть что-нибудь приятное и разумное. Однако Леонтин, преодолев свое настроение, сел за фортепиано вместо девушки и сходу исполнил нежную, но такую слащавую песню, что Фридриху чуть было не стало дурно. Юлия смотрела на него во все глаза и во время песни погрузилась в глубокие размышления. Потом все отправились отдыхать.

Спальня, которую приготовили для обоих гостей, была чистой и приятной. Окна выходили в сад. Отсюда, через сад открывалась таинственная перспектива в бескрайнюю долину, погруженную в ночную тишину. Где-то вдали слышно было, как плещется горная река, поют соловьи, наполняя песнями окрестность.

— А здесь прекрасное место, — сказал Леонтин, глядя в окно.

— Мне кажется, что и люди здесь такие же, — поддержал Фридрих. — Знаешь, когда я оказываюсь в таком узком кругу незнакомых людей, у меня возникает такое чувство, будто я смотрю с высокой горы на незнакомую, огромную ночную страну. Там текут тихие большие реки, тысячи чудес таятся повсюду, а душа вплетает счастливые, светлые дни в запутанные сумерки. Мне зачастую хочется больше никогда в жизни не встречать некоторых людей, и уж тем более не сближаться с ними, не говоря уже о случайных встречах.

— Именно так, — перебил его со смехом Леонтин, — ты так говоришь, как будто ты снова влюбился. Но ты совершенно прав, я чувствую то же самое, и это просто вредно для честного сердца, которое так часто постоянно обманывают, в результате чего оно умирает. Ибо, когда в ту прекрасную, неизвестную ночь первого знакомства постепенно начинает проглядывать день, и кукарекают трезвые петухи, одно за другим исчезают возвышенные чувства. То, что стояло в ночи темным великаном, становится кривым деревом, долина, становится похожей на перевернутый древнеримский город, становится обычным полем, и вся сказка приобретает пошлый оттенок. Я мог бы быть набожным, как ягненок, и никогда не испытывать и намека на злую шутку, если бы все не было так глупо.

Фридрих попенял ему:

— Будь осторожен со своим высокомерием! Легко и приятно насмехаться над другими, но среди обмана и разочарований надо держаться великой, прекрасной веры в лучшее и возносить других на огненных руках, которые Бог дал только своим самым возлюбленным сыновьям.

— Я говорю тебе совершенно серьезно, — ответил чрезвычайно любезно Леонтин, — ты меня все еще хочешь обратить в свою веру, странный человек. Видит Бог, мне еще многое нужно изменить в себе, чтобы стать хорошим.

Утром местность волшебным сиянием лучилась за их окнами. Они поспешили в сад и были поражены красотой открывшегося пейзажа. Сам сад возвышался на холмах, словно свежая цветочная корона над зеленой зоной. Со всех точек открывался волнующий вид на страну, раскинувшуюся вокруг, словно панорама. Нигде не было видно никаких французских или английских регулярных садов, но все вместе было чрезвычайно приятно для глаза, как будто сама природа хотела приукрасить себя бьющим через край изобилием.

Господин фон А. и его сестра, не последняя в этом деле, как мы увидим позже, вероятно, не без особого умысла, горячо и настойчиво просили своих гостей остаться у них подольше, и оба с радостью согласились на это приятное предложение. Но только когда постепенное совместное проживание переросло в привычку, они ощутили преимущества тихого, однообразного домашнего существования, и упивались вновь и вновь этим образом жизни, приносящим ощущение спокойствия и умиротворения в противовес миру хорошо воспитанных умов, в котором многие тщетно на протяжении всей своей жизни ищут свое место в красочном окружающем карнавале или даже в самой науке.

Когда солнце всходило над садами, горами и долинами, все в замке тоже рассредоточивалось по всей округе. Господин фон А. выезжал в поле, его сестра и барышня возились во дворе и появлялись обычно только около полудня в чистой белой одежде. Фридрих и Леонтин все утро действительно жили на улице, в прекрасном саду. Спокойная жизнь оказывала на Фридриха самое благотворное влияние. Душа его находилась в абсолютном покое, в котором только она и способна, как неподвижное зеркало озера, поглощать небо. Шелест леса, пение птиц вокруг него, это зеленое уединение, которого не хватало с детства, все вызывало в его груди то вечное чувство, которое погружает нас словно в центр всей жизни, где сияют все переливы красок, которые лучатся на меняющейся поверхности, создавая до боли прекрасную игру света. Все, пережитое и ушедшее в прошлое, снова проходит перед глазами, но воспринимается уже более серьезно и достойно, а буйное будущее расцветает, как рассвет, и так внутри нас возникает новый мир из предчувствия и воспоминаний, и мы вновь узнаем прежние картины и образы, но они крупнее, красивее и могущественнее и представлены в ином изумительном свете. Вот и Фридрих написал здесь бесчисленное количество песен и чудесных рассказов, которые возникали из самых глубин сердца, и это были чуть ли не самые счастливые часы его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.